

Охота на крылатого льва

Автор:

Елена Михалкова

Охота на крылатого льва

Елена Ивановна Михалкова

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина #16

Если вам кажется, что вы проживаете не свою, а чью-то чужую жизнь, скучную и унылую, если мечты не сбываются и желания не исполняются, пора вырваться из круга однообразных будней!

Виктории Маткевич надоело тусклое существование, и она отправляется в Венецию – любоваться старинными палаццо, кататься по каналам под протяжное пение гондольеров и дышать новообретенной свободой. Но, сама того не подозревая, Вика переходит дорогу банде грабителей, планирующих преступление века... Стечение обстоятельств закручивает бешеный хоровод из побед и поражений, друзей и врагов. Справится ли Виктория с навалившимися неприятностями? Успеют ли ей на помощь частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин? И, главное, чем закончится охота на крылатого льва – победой или поражением?

Читайте в новом романе Елены Михалковой «Охота на крылатого льва».

Елена Михалкова

Охота на крылатого льва

© Михалкова Е., 2015

* * *

Глава 1

1

Утром двадцать пятого октября по Рио деи Мендиканти мчалась встрепанная женщина в развевающейся рыжей юбке. К себе она судорожно прижимала сумку, но, взбежав на мост, вдруг кинулась к перилам и замерла, вытянув руки над водой, явно собираясь бросить свою ношу в канал.

Улицы за ее спиной содрогнулись от пронзительного свиста. Женщина испуганно отскочила. Длинная нить стеклянных бус зацепилась за железный завиток перил – и порвалась. Секунда промедления, а потом изумленный взгляд случайного прохожего словно подтолкнул беглянку.

Взметнулся огненный подол, ботинки выбили стремительную чечетку, и женщина скрылась в первом же проулке.

Прохожий, немолодой мужчина, покачал головой. Что за дела?

Он наклонился за зеленой бусиной, докатившейся до его ног. И тут же отлетел в сторону. Двое карабинеров, пыхтя, промчались по мосту, безжалостно расталкивая людей. Из-за угла выскочил третий, надрывно свистя на бегу. Взвилась в небо потревоженная стая голубей, и с жалобным хлопком взорвалась стеклянная бусина под тяжелой подошвой.

Женщина мчится по узким переулкам. Каменные стены сжимают ее в тиски. Сердце стучит дробно, словно бусины рассыпались в груди, а не на венецианском мосту. Голубая полоска неба запестрела белыми росчерками – это голуби с Рио деи Мендиканти поднялись ввысь.

Женщина бьется в двери, отчаянно ища укрытие. Но дома неприступны, как крепости. Пот заливает ей глаза, сумка вот-вот выскользнет из рук. Ни туристов, ни местных жителей, словно город расчистил место для азартной погони. Город, который был ей другом!

Жалобный стон срывается с ее губ.

Она ныряет в очередной проулок, потеряв счет безумным поворотам. Ее колотит от мысли, что она может выскочить прямо на карабинеров.

Выкрики доносятся все ближе. Грохот сапог неумолим, как поступь Командора.

Женщина обессилела. И, прижавшись спиной к каменной стене, она выдыхает по-русски:

– Господи, только не это!

Топот ближе.

Ближе.

Еще ближе...

2

За шесть дней до описываемых событий

Она проснулась даже не от толчка, а от аплодисментов. Когда самолет опустился на посадочную полосу, все вокруг захлопали. А громче всех – ее сосед, толстяк в щегольской рубашке, натянутой на его выпирающем животе так, что казалось, пуговицы вот-вот начнут с треском отскакивать от ткани.

Вика вздрогнула и открыла глаза.

– Венеция, синьора! – сказал толстяк, доверительно наклоняясь к ней. – Benvenuta!

«Бенвенута! – повторила про себя Вика. – Добро пожаловать!»

У стойки такси, на ходу вспоминая подзабытый итальянский, Вика заказала катер. Она так решила еще в Москве: потратится на быстроходную моторку, которая домчит ее до Венеции. Можно себе позволить раз в десять лет побыть транжирой?!

На пристани толпился народ, но все ждали морской трамвай, вапоретто. Когда, протиснувшись среди людей, Вика выбралась к причалу, лодка уже покачивалась вниз. Молчаливый водитель принял у нее чемоданчик и подал руку:

– Бонджорно!

Рассекая мутные волны, моторка заскользила к выходу из акватории порта. Вика только успевала вертеть головой. То слева, то справа поднимались из воды громадные деревянные столбы, на которых замерли грязно-белые чайки. Мелькнул и остался позади остров, плоский, как галечный блинчик.

Они неслись по морю к городу-на-воде.

Викю вдруг охватил страх. А если Венеция окажется не такой, какой она ее вообразила? Вдруг ее ждет выхолощенный туристический аттракцион? «Паршивая еда! Вонь из каналов! Каменный мешок!» – вопили отзывы в Сети.

Лодку тряхнуло. Водитель обернулся, прокричал что-то, весело скаля зубы. И рукой махнул – мол, не так уж далеко осталось.

А Вике в эту минуту остро захотелось, чтобы они плыли как можно дольше. Она еще не успела увидеть город, а он уже пугал ее несовпадением с ожиданиями.

«Да что ж ты за овца-то такая!» – в сердцах сказал внутренний голос.

Овца?!

«А кто же еще? Сперва тряслась, что не купишь билеты. Потом боялась, что не сможешь поехать. Кто воображал, что ногу сломает за день до вылета? Кому ночами снились кошмары о потерянном паспорте?»

Вика и рада была бы оборвать внутренний монолог, но голос разошелся не на шутку.

«В аэропорту паниковала, что не пропустит таможня! В самолете – что отравишься томатным соком. И вот прилетела, не отравилась, с такси разобралась, отель забронировала... И все равно блеешь, что все пойдет не так!»

– Я не...

«Блеешь! – отрезал голос. – Надо было тебе сидеть дома, в блокнотик строчить и ныть о несбывшемся!»

Ух, вот тут Вику задело за живое. Она и забыла, каким резким может быть этот ее внутренний человечек. Слишком редко он подавал голос в последние годы.

– Ничего я не трясусь! Я просто...

Катер обогнул еще один остров, и все оправдания разом вылетели у Вики из головы.

Солнце лежало, как жемчужина, на изнанке тихо светящегося перламутрового неба. А под этим небом поднималась из зеленых вод Венеция.

Вика широко раскрыла глаза. Брызги секли лицо, но она не замечала их. Перед ней открылся город, словно сотворенный взмахом волшебной палочки.

Заостренные башни, тянущиеся к облакам. Суровый красный камень и легчайшее кружево дворцовых арок на набережной. Пестрые крыши бегут навстречу пенным завиткам.

В этот миг Вика всей душой поверила в древнюю легенду, гласившую, что город поднялся из подводных глубин. Не земле, а морю принадлежал он, и море нежно

обнимало его, подбрасывало, как мать ребенка, в упругих волнах. Чуть выше подкинь – и, кажется, город исчезнет. Вознесется в небо, к жемчужному мягкому свету, и там поплывет, как воздушный корабль, оставляя в кильватере клубящиеся облака.

– С ума сойти! – выдохнула Вика.

Кораблики прошивали морскую гладь, оставляя за собой белые пенные стежки. Катер Вики влился в их хаотический на первый взгляд бег. Венеция все ближе, несутся прямо на Вику дома и набережные, люди, скамейки, башни! Они вот-вот врежутся!..

Город распахнул каменные объятия, и моторка, стремительно снижая скорость, вошла в устье канала.

Отель назывался «Эдем». Дом был узкий и какой-то перекошенный, как старик, припадающий на одну ногу. Прочитав название, лодочник хмыкнул.

Но радужное Викино настроение ничто не могло испортить. Номера не слишком дорогие, от центра близко – что еще нужно путешественнице?

В холле, пока девушка за стойкой занималась ее паспортом, Вике бросилась в глаза витрина у дальней стены. В ней скупно сияли, освещенные специальными лампами, стеклянные птички размером с кулак. А над птичками возвышалась ваза дивной красоты, словно созданная из застывшей радуги.

– Муранское стекло!

Вика обернулась на сочный бас.

Широкоплечий мужчина, немолодой, чернобородый, как Карабас, улыбнулся ей и протянул руку.

– Орсо Иланти! – Он говорил по-английски. – Рад видеть!

Вика несмело пожала протянутую ладонь. Очевидно, этот вальяжный итальянец, которого портили только слегка обвисшие щеки, и есть хозяин отеля.

- Добро пожаловать в наш «Эдем»!

Синьор Иланти, сверкнув белоснежными зубами, торжественно обвел рукой холл.

Обстановка отеля, по мнению Вики, была из разряда «бедненько, но чистенько», однако с вкраплениями вопиющей роскоши. С потолка свисала огромная люстра удивительной формы. Больше всего люстра походила на прозрачных змей, собранных в пучок.

- Тоже муранское стекло? - Вика указала на потолок.

- Си! Восемнадцатый век!

Гостье устроили небольшую экскурсию. Иланти сыпал английскими, итальянскими и французскими словами вперемешку, вскрикивал «белиссима!» и «делицьоза!», порывался лобызать ручки. Через пять минут Вика ощутила себя задыхающейся под потоком его пылкой речи.

Но синьор Иланти рассказывал и впрямь интересное. О дубовом кресле, в резьбе которого было зашифровано послание. Об игривом столике с тайником, где всего десять лет назад нашли пузырек с выдохшимся ядом. И, конечно, о великолепном стекле, секрет которого мастера с острова Мурано хранили долгие годы.

Они сделали круг и вернулись к витрине с вазой. Цветные струи, перетекающие друг в друга, завораживали.

- Она продается? - спросила Вика.

Хозяин оживленно закивал, назвал цену и уставился на гостью выжидательно, будто говоря: вам сразу завернуть, или после ужина возьмете?

Вика сглотнула. Нет, ей, конечно, было понятно, что муранское стекло дешевым не будет. Но внутренняя жаба от названной суммы хрипло квакнула и потеряла сознание.

– Боюсь, я не ношу с собой столько, – пробормотала она.

Хозяин секунду смотрел на нее, а потом захохотал. Он смеялся, запрокинув голову, и черная борода топорщилась, будто корни выкорчеванного куста.

Отсмеявшись, он похлопал Вику по плечу.

– У синьоры хорошее чувство юмора! Я сделаю вам скидку за проживание. Пять процентов!

Он махнул девушке за стойкой.

Вика принялась благодарить, но итальянец снисходительно улыбнулся:

– Наш отель маленький, мы знаем и любим всех постояльцев. Рады будем видеть вас снова. Хорошего дня!

До номера ее проводил молодой смуглый парень с золотой серьгой в ухе, распахнул дверь:

– Прошу, синьора.

Вика поискала в карманах и сообразила, что у нее нет мелочи для носильщика. Она начала бормотать, что позже... обязательно...

– О, ниенте! – парень выставил вперед ладонь. Он держался независимо, почти надменно. Как будто не работал в отеле, а случайно проходил мимо и решил помочь с вещами. Показал, как открывается окно, небрежно кивнул и ушел.

«Решил, что я жлоб, – огорчилась Вика. – Жлобица... Жлобиха...»

«Жадина!» – подсказал внутренний голос.

Точно. Жадина.

Вика расстроилась было – такие мелкие происшествия всегда выбивали ее из колеи, – но потом вспомнила, что хозяин отеля сделал ей скидку, и повеселела. Приятный человек, что ни говори!

Она огляделась. Комната малюсенькая, как спичечный коробок. Окно, к разочарованию Вики, выходило во внутренний двор. Посреди двора сгрудились мусорные баки. За ними кто-то курил, сидя на корточках – с третьего этажа не разобрать.

Вика подняла взгляд выше. Черт с ним, с двором! Кому он нужен, когда горбатые крыши перекатываются одна за другой, а за ними вздымается медно-зеленый, огромный, как кит, купол собора. Ветер доносит шум толпы и смех, где-то хлопают двери, вдалеке звонит колокол. Пахнет помойкой, морем, сигаретным дымом, счастьем...

– Венеция, – сказала Вика и зажмурилась.

Невероятно.

Она все-таки сюда приехала.

Глава 2

1

Доменико Раньери, прихрамывая, вынес наружу стулья и пару легких плетеных столиков, поднял ставни. Мария возмущенно всплеснула руками, увидав это. «Ваша нога, Доменико!»

Но Раньери сделал вид, что ничего не замечает. Не так уж он стар! И в доказательство забрался по стремянке и демонстративно протер испачканную в голубином помете букву вывески.

Вот теперь можно и открывать.

Пока Мария выкладывала на витрину пирожные, он обжарил кофе. Не слишком много: что-то подсказывало ему, что до вечера наплыва клиентов ждать не стоит. За столько лет Доменико научился каким-то шестым чувством угадывать, будет ли у них очередь из желающих выпить чашечку кофе с бисквитом или нынче их навестят одни завсегдатаи. Мария, сколько ни старалась, не могла понять, как ему это удастся.

Аромат обжаренных кофейных зерен поплыл по улице. Дурманящий. Манящий.

Кого он завлечет к ним сегодня?

Первые визитеры были ему хорошо знакомы. Семейная пара, троица болтливых школьников, старушка Магда со своей плешивой собачонкой...

Но где же новички? Где многообещающие незнакомцы? Они необходимы ему!

Раньери давно придумал эту игру. Круг клиентуры был, в общем-то, постоянный, к тому же кофейня располагалась в стороне от нахоженных троп. Типичному туристу, ошалело носящемуся, как весенняя муха, между Сан-Марко и Риальто, отыскать ее было не так-то просто. И тем ценнее, когда чужак все-таки появлялся перед окнами с голубыми шторами.

Доменико мысленно снимал с него мерку. Кто такой, как себя ведет? Запоминал – и сам с собой заключал пари: вернется клиент или нет.

Выиграв спор пять раз подряд, Доменико разрешал себе вечером выкурить крепкую сигару. Сигара в неделю – не так уж и много, а? Что бы там ни талдычили доктора, он просто обязан вознаградить себя за догадливость!

Раньери играл честно. Никогда, даже если очень хотелось курить, не применял запрещенных приемов: не заманивал туриста бесплатной чашечкой кофе, не соблазнял ни малютками-бриошами, ни белоснежными меренгами. Клиент должен сам принять решение.

Доменико уселся возле окна и развернул газету.

– Сегодня не дождетесь! – насмешливо фыркнула Мария. Она не знала деталей его развлечения, но давно заметила, что хозяин обращает особое внимание на незнакомцев.

Раньери зыркнул на нее поверх газеты. Помощница тут же исчезла. Она понимала, когда можно болтать, а когда лучше прикусить язык. Доменико держал ее в своем заведении не столько потому, что она варила вкуснейший кофе, сколько за эту удивительную для женщины способность.

Он смаковал эспрессо и с сожалением думал, что Мария права: сегодня ему новых посетителей не видать. А если и набегут, пользы от этого немного. В порту возвышалась «Магнифика», железная дура с пол-Венеции размером. Значит, город захлестнет толпа туристов-однодневок. Гигантский круизный лайнер утром вываливал из своего чрева сотни человечков, а вечером отплывал, забив пассажирами девятипалубное брюхо.

Они налетали как саранча: прожорливые, стремительные, жадные до впечатлений. Они пытались запихнуть в себя весь город целиком, давились им, но не сдавались! На первое – Сан-Марко, на второе – Риальто, на десерт – Дворец дожей, и закусить это все Кампанилой.

Доменико ненавидел их и презирал. Его высокомерный город захлопывал перед ними все двери, а они даже не догадывались об этом.

Раньери терпеть не мог «однодневок» еще и за то, что с ними у него не было ни единого шанса раскурить субботним вечером вожделенную сигару. Даже если они, отбившись от стада, и попадали в его кафе, вернуться второй раз не могли. Ночью лайнер уносил их прочь.

Доменико со вздохом поставил чашку на стол – и тут увидел ее. Она вывернула из-за угла, и серая улица вспыхнула, будто швырнули охапку осенних листьев.

Женщина в безумном шарфе. Шарф был ядреного зеленого цвета и наводил на мысль о безвременной гибели дюжины лягушек. И юбка вокруг ног вилась бешеная, рыжая, с рваными краями. Даже тканая сумка выглядела совершенно очумевшей, как будто все нитки в ней хором сбрендили и полезли наружу с криком: «Давайте свяжемся во что-нибудь новенькое!»

Доменико Раньери застыл с открытым ртом.

А женщина тем временем подошла к кофейне и запрокинула голову, прищурившись на вывеску. Он наклонился вперед, беззастенчиво рассматривая ее через стекло.

Лет тридцати, от силы тридцати двух – тридцати трех. Невысокая, худощавая, с живым милостивым лицом. Курносый нос и мягкий подбородок (русская, решил Раньери). Волосы светлые, небрежно схвачены на затылке резинкой.

Какая-то трогательная растерянность была в ее чертах. На губах играла недоверчивая, почти испуганная улыбка. Как у бедняка, которого привели к новогодней елке, а он все не верит, что можно взять подарки.

Женщина прочитала вывеску, покосилась на собачонку Магды. Постояла в нерешительности.

И тогда Раньери нарушил собственное правило. Он поднялся, доковылял до входа и распахнул дверь под изумленным взглядом Марии:

– Приветствую, синьора! Не хотите ли чашечку кофе?

2

Что ж, неплохо!

Вика направлялась к площади Сан-Марко, страшно довольная собой. В закоулках квартала ей повезло наткнуться на чудесное местечко. Конечно, не стоило объедаться пирожными, но очень уж хотелось сделать приятное пожилому владельцу.

Носатый, улыбчивый, немногословный, он проворно перемещался по своей кофейне, несмотря на хромоту. Копна пепельных кудрей придавала ему сходство с большим лохматым псом. Молчаливая женщина лет сорока сварила такой кофе, что Вика не сдержала вздох блаженства, сделав первый глоток.

Восхитительно.

Умопомрачительно.

Дельцьозаменте!

Итальянский быстро всплывал в памяти. Вика мысленно похвалила себя. Молодец, Маткевич, что не забросила итальянский, даже когда он был нужен тебе как коту пижама. Кто бы мог поверить, что все это пригодится много лет спустя.

Она обошла площадь, жадно разглядывая магазинчики на первом этаже Прокураций, любовалась на красную иглу Кампанилы, воткнутую в голубую подушку неба. Перед входом в собор Сан-Марко извивалась длиннющая очередь, точь-в-точь как в детстве за мандаринами перед Новым годом, разве что без авосек, и Вика двинулась к набережной.

Около двух гранитных колонн она замедлила шаг. На одной святой с копьем попирал существо, похожее на варана. При ближайшем рассмотрении это оказался крокодил.

Вторую колонну венчал крылатый лев. Лев этот чрезвычайно понравился Вике. Во-первых, он ухмылялся во всю пасть. Во-вторых, передними лапами зверь прижимал раскрытую книгу.

«Первоначально колонн было три, – прочитала она в путеводителе, – но при разгрузке одна упала в море, затонула и была утеряна».

Все как в России, умилилась Вика. Одну сломали, другую потеряли.

Она неспешно двинулась дальше.

Крылатый лев теперь встречался ей повсюду. Над аркой Дворца дождей он стоял с суровым видом перед священником, протягивавшим ему гигантскую расческу. «Лева, Христом-богом прошу, расчешись!» – было написано на лице почтенного старца. Царь зверей зыркал в ответ негодуяще. Было ясно, что гриву на поругание он не отдаст.

Вике так понравился их безмолвный диалог, что она сфотографировала скульптуру со всех сторон. Тут подошел экскурсовод с русской группой, и выяснилось, что в руках святой старец держит не расческу, а флаг Венеции.

– Моя версия была лучше, – пробормотала женщина, выбираясь из набежавшей толпы.

Она отправилась куда глаза глядят, без всякого плана. Шла вдоль каналов, где дома стоят по колени в серо-зеленой воде. Перебегала каменные мосты, выгибающие спины, как кошки. Улыбалась гондольерам, пробовала вкуснейшую пиццу в крохотных забегаловках, глазела на стеклянные фигурки в витринах и повсюду вдыхала запах города.

Вика с детства знала: у каждого места есть свой неповторимый аромат. Прага пахнет мокрой собачьей шерстью, Стокгольм – вафельным рожком от мороженого, Москва – навсегда трамваями: старыми, с тупыми носами, как у ласковых дворняг.

Венеция пахла кофе и болотными кувшинками.

Вика дышала и не могла насытиться. Она ощущала себя немножко сумасшедшей. Как говорил ее младший сын: «Я словно воздушных шариков объелся».

Ее радовало все, от трещин на стенах до дрейфующего по каналу презерватива.

Когда зазвонил телефон, Вика сидела на берегу канала, сбросив кроссовки, и легкомысленно болтала босыми ногами над водой. Рядом с ней лежала надорванная пачка печенья в красной упаковке со смешной детской рожицей, которое она по утрам бросала в сумку на случай, если захочется перекусить на ходу.

Она взглянула на экран, и улыбка сползла с ее лица.

3

Незадолго до описываемых событий

Все началось с блокнота.

Блокнот она углядела в россыпи рукодельной ерунды на прилавке и сразу, не раздумывая, потянулась к нему. Обложка нежно-голубая, в центре – ярко-красный велосипед с корзинкой на руле. Вика в юности обожала кататься на велосипеде.

Она купила блокнот, не торгуясь.

Он был создан, чтобы хранить мечты. Пухлый, с желтоватыми мягкими страницами и атласной ленточкой-закладкой. Женская-женская вещь, к которой непременно нужна изящная ручка, маленькая сумочка, пальто с меховым воротничком, и неплохо бы шляпку.

Из всего этого списка у Вики имелась только ручка. Как-то сразу само собой и записалось:

Чашка кофе по утрам

Как она мечтала о кофе! Обязательно в одиночестве, в чистой квартире с ее уютной, обволакивающей тишиной. И чтобы никто не смел крикнуть над ухом: «Ма, я жрать хочу! Где завтрак?!»

Вика пообещала себе, что обязательно купит кофемашину. С премии. Олег всегда твердит, что кофеварка – блажь и ставить ее некуда, но она попытается его переубедить.

«А что бы я еще сделала, если бы жила одна?»

Вика даже тихонько рассмеялась от удовольствия, представив, что бы она придумала, если б с нее сняли все обязанности.

О, ее ждала бы полная свобода.

Никаких завтраков на всю семью!

Никаких подъемов в шесть!

Никаких изматывающих развозов детей по кружкам!

Никаких праздников в компании свекра и свекрови!

Она жила бы совершенно иначе!

Завести кота, назвать Максимилианом

Глупость, конечно... Но она мечтала не о любом коте, а об особенном: бесшерстном, породы сфинкс. У них замшевая шкурка, а глаза как у инопланетянина. И морщинки на лбу.

Одного потрясающего сфинксёнка Вика приглядела на выставке год назад. Хозяйка позволила взять котенка на руки, и тот угнездился у Вики в изгибе локтя, уши размером с ладонь растопырил, как локаторы, – и замурлыкал звонко-звонко, будто внутри зазвенел маленький будильник.

Вика закрыла глаза и стояла так очень долго. А потом подошел Олег, котенка с ее руки снял, хозяйке обратно сунул. «Совсем с ума сошла – этого лысого уроды покупать?» – «Олег, пожалуйста!» – «Все, успокойся. Пошли отсюда».

«Лысый урод» смотрел Вике вслед, и она все оборачивалась на него, пока муж не вытащил ее из зала.

Если бы она жила одна, этот кот принадлежал бы ей.

Научиться водить

Сейчас на это нет времени. Но когда-нибудь она обязательно найдет хорошего инструктора и будет ездить сама, на собственной машине.

Попробовать рисовать

Вика даже отыскала подходящие курсы, но оказалось, что занятия начинаются в восемь вечера. Кто будет готовить ужин? Делать с мальчишками уроки? Пылесосить? Гладить? Вопрос с уроками рисования отпал на неопределенное время.

Записи, записи, записи... Блокнот стал ее маленькой тайной, окошком в несуществующий мир. Когда-нибудь все мечты воплотятся в реальность, а пока Вика заносила на бумагу все, что приходило ей в голову.

Что доставляет ей радость? Чего она не может себе сейчас позволить?

Купить абонемент в бассейн

Отличный спортивный центр находился в двух остановках от дома, но Вика понимала, что денег на него нет. Среди ближайших трат – подарок свекрови на юбилей, какой уж тут абонемент.

Гулять по утрам в парке и фотографировать

Не сейчас, конечно. Позже. Когда дети закончат школу. Ей не нужно будет по утрам варить на всех овсянку, а потом собирать мальчишек, потому что Колька обязательно забудет шапку и перчатки, а Дима может запросто оставить портфель. Да и Олег не поймет, если она утром возьмет и уйдет из дома. Нет, невозможно.

Посмотреть кучу сериалов

О, живи Вика одна, она не хлопотала бы по дому вечерами, а садилась бы в обнимку со своим ушастым котом и смотрела все подряд. «Аббатство Даунтон», «Игра престолов», «Эркюль Пуаро»: старые и новые, умные и не очень – ей бы все сгодилось!

Взять из собачьего приюта щенка

Неисполнимое желание. Олег никогда не согласится на приютскую собаку. Он хочет крепкого породистого пса, обязательно служебного, злого и молчаливого. Ротвейлера. Или добермана.

Но почему бы и не помечтать?

Вика представила, как она бредет ранним утром по осеннему парку, а рядом с ней бежит щенок, похожий на швабру с ушами.

Блокнот понемногу заполнялся, накапливая ее мечты. Вика приобрела привычку записывать все, от мелочей («купить юбку апельсинового цвета!») до больших пожеланий («никогда больше не ездить к свекрови на дачу»). За юбку ее высмеяли бы и дети и муж, а про свекровь и заикаться нельзя. Мама в жизни Олега – это святое.

Полосатые колготки!

Навестить Маринку в Пскове!

Путешествовать! Куда угодно!

Но первым делом обязательно в Венецию.

Ходить в кафе хотя бы раз в неделю!

Опять начать петь!

По кирпичику, по желанию выстраивалась совсем иная жизнь, где были кошка, собака и крыса, много поездок, друзья, увлечения, фотографии, веселые пустяки и разноцветная одежда, свобода, свобода, свобода...

Вика вышла замуж сразу после консерватории. Через год родился Коля, а еще через пару лет – Дима. Диплом вокального факультета из верхнего ящика стола сначала переместился в нижний, а потом и вовсе был похоронен под грудой бумаг и квитанций. Дети много болели, старший оказался совсем несадиловским ребенком. А когда он поступил в первый класс и Вика бросилась искать работу по специальности, выяснилось, что ее поезд ушел. Она потеряла драгоценное время. Другие вокалисты участвовали в конкурсах, ездили за границу, пели в театрах, пока она носилась между педиатром и аллергологом. Теперь можно было в лучшем случае устроиться руководителем музыкального кружка в соседнем доме и получать маленькую стыдную зарплату, надеясь, что за мамонта будет отвечать муж.

Подумав хорошенько, Вика выбрала другой путь.

Распихав сыновей по школам и садикам, она два месяца ходила по собеседованиям и в конце концов устроилась менеджером в банк. Через три года ее перевели в кредитный отдел.

Два дня она работала с утра до вечера, а в среду-четверг-пятницу сразу после обеда неслась домой, чтобы схватить мальчишек и на маршрутке с пересадкой сначала доставить одного на айкидо, потом второго в музыкалку, потом забрать первого, отвезти домой и спешно мчаться за вторым. Где-то в перерыве Вика одной рукой готовила ужин, второй гладила, третьей делала с Димкой уроки, четвертой перешивала Колякину форму, сама себе порой напоминая обезумевшего осьминога.

А вечером с работы приходил Олег, садился ужинать и говорил: «Счастливый ты человек, мать. Три раза в неделю работать по полдня – это ж кайф!»

Олег к жене относился снисходительно. Укорял: «Суетливая ты. Прямо бешеная тарашка». Дети смеялись, Вика оправдывалась: как не быть тарашкой, когда целый воз дел. «Учись правильно распределять время, – веско советовал Олег. – Другие же как-то успевают».

По утрам Вика с всклоченной головой и одним покрашенным глазом скакала между кухней и детской, пока Олег спокойно завтракал. Он работал в фирме, занимавшейся металлоконструкциями. Металлоконструкции не терпели суеты.

Когда они только поженились, Вика в него была ужасно влюблена. Из всех сил пыталась заслужить расположение Олеговой мамы, даже когда стало ясно, что та терпеть не может «певичку». В доме свекрови авторитет мужа был непререкаем. Если бы у семьи Олега имелся герб, девизом на нем была бы начертана фраза слесаря Гоши из фильма «Москва слезам не верит»: «А заодно запомни, что я всегда и все буду решать сам. На том простом основании, что я мужчина».

Любовь – хорошее топливо. Вика протянула на нем одиннадцать лет, твердя себе, что все нормально, нужно просто немножко потерпеть.

Пока на глаза ей не попался голубой блокнот с красным велосипедом на обложке.

...Она заносила в него все новые подробности воображаемой жизни. Вспоминала, о чем мечтала в юности. И сама не замечала, как постепенно в ней просыпается и поднимает голову совсем другая женщина. Та, которая знала, чем пахнут города. Которая приезжала в Питер, чтобы ходить по крышам. Та, которой она могла бы стать, если бы все сложилось немножко иначе.

Конец этой игры наступил неожиданно.

«Купить велосипед и кататься летом по Москве», – написала Вика, перевернула страницу...

И увидела, что блокнот закончился.

Вика сердито пролистала его, ища незаполненные разделы. Они найдутся! Должно быть, она пропустила десяток страниц.

Но все листы были исписаны ее почерком. На них не осталось свободного места.

Вика провела рукой по лбу.

Ей впервые стало по-настоящему страшно. Она держала в руках свою непрожитую жизнь, несбывшиеся мечты, неисполненные желания. Пятьдесят восемь страниц того настоящего, чем она хотела бы наполнить каждый день.

И ничего из этого не существовало на самом деле.

Она переворачивала странички, выхватывая взглядом одни и те же отговорки.

«Когда-нибудь». «Когда-нибудь потом». «После». «Не сейчас». «Когда появятся деньги». «Когда появится возможность».

– В моей жизни нет ничего, о чем я мечтаю!

«Нет, постойте! – встрепенулся внутренний голос. – А дети? А муж?»

До того, как появился блокнот, Вика спасовала бы перед этим вопросом. Ну конечно, покорно согласилась бы она, разве может быть что-то важнее для женщины, чем муж и дети!

Но это было пятьдесят восемь страниц назад. За прошедшее время в ней что-то изменилось. И потому ответ прозвучал с горькой честностью:

«Мне этого мало».

«Мало?! – взвизгнул голос. – Что ты несешь? Дети здоровые, муж непьющий. С жиру бесишься! Ишь, колготки цветные ей захотелось! Юбку апельсиновую! Да ты в ней будешь как дура, верно Олег говорит!»

«Заткнись».

Вика поднялась, сжимая в руках блокнот.

– Я живу жизнью, которая мне не нравится.

Она впервые проговорила это вслух.

«Все так живут!» – надрывался внутренний голос.

Вика прижала ладонь ко лбу. Кого она обманывает? Никогда не сбудется то, что она напридумывала. Не будет лохматой собаки, корявых рисунков, маленького фотоаппарата, который можно носить с собой в рюкзаке... Разве что когда ей стукнет пятьдесят. Мальчишки к тому времени вырастут, а Олег, быть может, согласится готовить завтрак себе сам.

Или не согласится.

Остаток дня она ходила как в воду опущенная. От сочувственного внимания коллег отговорилась заболевшей головой, но вечером осталась на работе позже всех. Ей не хотелось домой.

«Мне почти никогда не хочется домой. Мне нужно домой. Это разные вещи».

Долг, обязанность, необходимость... В ее жизни их хватало с избытком. Не было лишь того, чего бы хотелось ей самой. Ей, Вике Маткевич, а не Олегу, его маме или детям.

«Что же со мной будет дальше?»

Ей вовсе не хотелось искать ответ. Как вдруг на мониторе замигал красным значок в верхнем углу, и выскочила надпись:

«Вы работаете на резервном питании аккумулятора».

Тогда Вика начала смеяться. Сидя одна в пустом кабинете перед тусклым монитором, она смеялась, потому что случайно получила исчерпывающий ответ

на свой вопрос.

Она работает на резервном питании аккумулятора.

Скоро оно закончится.

Вика сидела перед монитором до тех пор, пока он не погас, выдав перед этим еще с десяток предупреждений. Охранник заглянул в кабинет, увидел смеющуюся в одиночестве Маткевич, и на физиономии его ясно отразилось все, что он думает о ее психическом здоровье.

Но Вике впервые было на это абсолютно наплевать.

4

– Олег, я собираюсь поехать в Венецию.

Вика сказала это за ужином. Неделю спустя после вечера, который она провела в компании погасшего монитора.

Муж был слишком увлечен чтением автомобильного форума, чтобы обратить внимание на ее слова.

– Я договорилась с Ольгой Семеновной, она будет провожать мальчишек на кружки.

Олег по-прежнему не реагировал.

– Мой самолет в пятницу. Вернусь ровно через неделю, утренним рейсом.

Слова про рейс пробились сквозь его избирательную глухоту. Олег поднял голову и недоуменно уставился на жену:

– Что? Какой еще рейс?

– Я улетаю в Венецию, – твердо повторила Вика. – Хочу отдохнуть. Меня не будет неделю.

Олег заморгал:

– Не понял... В командировку, что ли?

Она покачала головой:

– Не в командировку. Сама.

– Что за бред ты несешь?!

Вика побледнела – и вдруг выпалила:

– Не смей так со мной разговаривать!

От неожиданности Олег осекся и замолчал.

– Я не бред несу, как ты выразился! – она прикусила губу. – А говорю, что я устала и хочу отдохнуть!

– От чего?!

– От работы. От тебя. От детей. Последние десять лет я езжу только в гости к твоей маме.

– Ты что-то имеешь против моей мамы?

Но жена не поддавалась на провокацию.

– Я взяла на работе отпуск и купила по акции недорогие билеты, – понемногу успокаиваясь, сказала она. – Вы прекрасно справитесь без меня.

Это было что-то новенькое! Олег захлопнул ноутбук и отодвинул в сторону. Подумав, отодвинул и тарелку. Чертовщина какая-то творилась, надо

разобраться.

- Почему Венеция? - спросил он первое, что пришло в голову.

- Она уходит под воду на четыре миллиметра в год.

- И что? - не понял Олег.

- Я могу не успеть.

Он посмотрел на жену внимательно - первый раз за весь вечер. Она что, издевается?

По ее лицу действительно блуждала слабая улыбка. Но что-то подсказало Олегу - Вика вовсе не шутит.

Вглядевшись пристальнее, он увидел то, что должен был заметить раньше. Жена похудела и выглядела измученной, но глаза ее странно блестели. Он заподозрил было, что она выпила, и даже принюхался. Спиртным не пахло.

Самое главное, он все еще не понимал, как реагировать на ее слова. Семейная жизнь до сих пор исчерпывалась набором ситуаций, каждая из которых была ему знакома. Или ее можно было уложить в готовый шаблон по образцу семьи его родителей: мужик в доме хозяин, жена занимается детьми, главное слово за мужем, родители - это святое. Но сейчас нужная карточка не выскакивала из картотеки.

Олег испытал короткий приступ замешательства.

- Ты правда хочешь уехать?

- Если я не сделаю этого сейчас, то не сделаю никогда.

- А со мной ты почему не посоветовалась?

В глазах ее мелькнула затравленность, но голос был тверд, когда она возразила:

- Ты был бы против.

- Вот именно! Я против!

Она посмотрела прямо на него. На этот раз Олегу почудилась в ее взгляде... неужели враждебность? Да нет, ерунда.

Он начал сердиться уже всерьез. Что еще за ахиня!

- В Италию, значит, намылилась.

Жена кивнула.

- И считаешь, что с мужем это можно уже не обсуждать?

И снова Вика ответила так, как не отвечала никогда:

- Ты никогда не обсуждаешь со мной свои поездки, а ставишь меня перед фактом. Теперь моя очередь ставить перед фактом тебя. Я мечтала поехать в Венецию много лет. И я туда поеду.

- А я? А дети?

- Ну, уж неделю-то вы без меня справитесь, верно?

И снова эта странная полуулыбка.

Черт, да при чем здесь «справитесь», хотел рявкнуть он. Но после того, как Вика осадила его, поостерегся. Конечно, они проживут без нее эту неделю, но она не имеет права вот так запросто взять и куда-то свалить, просто сообщив ему дату отъезда! Олег не умел этого высказать, но смутно чувствовал, что с ее стороны это бунт!

- Ты не можешь уехать, - в конце концов мрачно сказал он.

Вика вцепилась в стол:

- Почему же?

- Потому что ты, мать твою, замужняя женщина!

- Звучит как «арестованная».

- Ты должна своей семье, - упорствовал он. - У тебя есть перед нами обязательства!

- А себе я ничего не должна? - перебила она с болезненной усмешкой.

Олег замолчал не столько от ее слов, сколько из-за гримасы, исказившей ее лицо. Он по умолчанию полагал, что женщина счастлива, имея такого мужа, как он, и таких детей. Как там в песне поется: «Женское счастье - был бы милый рядом».

И тут его осенило.

- У тебя что, пээмэс?

Черт, ну конечно! Надо было сразу сообразить, что дурость прет из нее из-за женских дел. Чего-то там у теток происходит с головой то ли перед месячными, то ли после, он не помнил и не считал нужным держать в памяти.

Найдя причину происходящего, Олег сразу ощутил себя хозяином положения.

- Все, тема исчерпана. Никуда ты не едешь. И, пожалуйста, не грузи меня больше такой ерундой!

Он придвинул к себе тарелку, убежденный, что разговор закончен. Потом мельком глянул на жену и застыл с ложкой в руке.

Вика выпрямилась. Куда только делась вся нервозность! В ее глазах оторопевший Олег прочел нескрываемую злость. Губы сжались в тонкую линию, рука дернулась, и какую-то долю секунды он всерьез ждал, что сейчас она влепит ему пощечину.

Он не мог знать, что Вика явственно узрела перед собой объяснение тому, почему пятьдесят восемь страниц блокнота остались исписанной бумагой. И уж конечно, Олегу не могло прийти в голову, что жена отчетливо вспомнила ощущение его крепких пальцев, стиснувших ее руку, и зеленоглазого котенка с растопыренными ушами, грустно глядящего ей вслед. Для него этот мимолетный эпизод забылся почти сразу. Для нее – впечатался в память накрепко и выстрелил в самый неподходящий момент.

– Нет у меня никакого пээмс, – очень медленно проговорила Вика. Она так побледнела, что Олег даже испугался. – И я поеду в Венецию! Поеду, ты понял?!

Она стукнула маленьким кулачком по столу – получилось до смешного неубедительно, но Олегу было не до смеха, – и выбежала прежде, чем он спохватился.

– Не хочешь обсуждать? Да кто тебя спрашивает?! – крикнул Олег вслед, придя в себя. – А ну иди сюда!

На двери в ванную комнату щелкнула задвижка. Зашумела вода. Стало ясно, что в ближайшее время жена к нему не выйдет.

Удрала, как трусливая собачонка! Олег подошел к ванной и некоторое время всерьез раздумывал, не выломать ли дверь. Но тут из детской высунулись две курчавых головы, и он опомнился. Ну, выломает, и что дальше? Тащить ее из ванны, мокрую и голую? На глазах у детей?

– А ну брысь! – приказал он, и Колька с Димкой, толкаясь и шепотом бранясь, исчезли.

На следующее утро Олег уехал на работу рано: жена и дети еще спали. У него было время обдумать ее неожиданный бунт, и, поразмышляв, он пришел к верному, как ему казалось, решению.

Да, Вика учудила. Но наверняка уже раскаивается во вчерашней ссоре и в своем глупом намерении. Он будет великодушен и даст ей возможность отступления. Никакой ругани! Он всего лишь напомнит, что в следующие выходные надо бы

помочь его матери с переездом на дачу. Жена отступит от своей бредовой затеи, не потеряв лицо, и все пойдет как раньше.

С этими, несомненно, благими намерениями Олег вечером вошел в квартиру.

И застыл в дверях.

Вика сосредоточенно рассматривала себя в большом зеркале. Вокруг ее ног струилась оранжевая юбка, до того яркая, что хотелось зажмуриться. И рубашка на Вике была новая, зеленая, как весенняя трава, а на шее болтались идиотские разноцветные бусы из стекла.

«Сбрендила», – осознал Олег.

Навстречу ему выбежали мальчишки, завопили, повисли с двух сторон.

– Па, привет!

– Папа пришел!

Он облапил сыновей, чмокнул каждого в макушку. Покончив с ритуалом приветствия, те переключились на мать.

– Ма, сними это! – потребовал Колька. – Тебе не идет.

– Не идет! – поддакнул Димка. Он сам не знал, так ли это, и рыжий цвет ему, пожалуй, даже нравился, но он привык во всем следовать за братом.

– Я сама решу, идет мне или нет. – Вика обернулась к мужу. – Привет! Ты сегодня рано.

– Ма, ну правда! – не отставал старший сын. – Ты в ней глупо выглядишь!

– Это точно, – буркнул Олег.

Ободренный поддержкой отца, Колька подбежал к матери и, дурачась, потянул за юбку.

- Прекрати! - потребовала Вика.

- Фу! Гадость! Сними!

Димка одобряюще захихикал. Ему нравилась эта игра.

- Я сказала, перестань!

Что-то в голосе жены подсказало Олегу, что сына нужно немедленно остановить. Но он не успел. Колька, привыкший к безнаказанности, дернул резче, а секунду спустя ладонь матери обрушилась на его затылок.

Подзатыльник получился слабым. Но ошеломил мальчика сильнее, чем любой шлепок от отца.

Димка, глядя на мать и брата, заревел от ужаса.

Не обращая внимания ни на его рев, ни на вытянувшееся лицо мужа, Вика наклонилась к старшему сыну и хорошенько потрянула его:

- Никогда больше не смей так себя вести! Ты меня понял?

Перепуганный Колька отчаянно закивал.

- Хорошо! - У Вики тряслись руки, но она заставила себя говорить медленно. - Иди в свою комнату. Придешь, когда будешь готов извиниться.

Колька растворился в воздухе, как только она отпустила его, а следом за братом сбежал и Димка. Вика с пылающими щеками обернулась к мужу:

- Ты должен объяснить ему, что это свинское поведение!

- А я тут при чем?! - вскинулся Олег.

– Он берет пример с тебя.

Вика развернулась и ушла. А Олег, глядя ей вслед, отчетливо понял, что никакие пути к отступлению его жене не нужны.

Она вовсе не собиралась отступить.

5

Телефон настойчиво звонил. Поборов искушение швырнуть его в канал, Вика нажала «ответить».

– Ты на кого детей бросила? – спросил в трубке ласковый женский голос.

Приветствия, конечно, не прозвучало. Когда Лариса Витальевна приходила в бешенство, она не давала себе труда оставаться вежливой. Во всяком случае, по отношению к невестке.

Вика сглотнула.

Свекровь она боялась до оторопи. Лариса Витальевна органично сочетала в себе мягкость медузы с убедительностью гюрзы. В разговорах мама Олега всегда делала большие паузы, которые собеседник мог заполнить по собственному разумению. Обычно интонация Ларисы Витальевны не оставляла пространства для полета фантазии.

«Ты на кого детей бросила, дрянь такая?» – услышала Вика.

И она ни секунды не сомневалась, что именно это имела в виду свекровь.

Человек, не знакомый с мамой Олега, удивился бы, отчего Вике просто не прервать разговор. Но брошенная трубка означала войну, а воевать с Ларисой Витальевной мог только самоубийца. За годы брака Вика твердо уяснила: Олег всегда будет на стороне своей матери. «Жен может быть сколько угодно, мама всегда одна», – мимоходом напоминала свекровь на каком-нибудь семейном торжестве и любовно трепала Олегову густую шевелюру.

Сына она обожала.

Внуков, надо признать, тоже. Мальчишек не называла иначе как «мои принцы». Вике иногда хотелось спросить, кем же она состоит при особах королевской крови, но всякий раз она благоразумно сдерживалась.

Их брак с Олегом строился на благоразумии. Ее благоразумии, естественно.

Вике с первой секунды разговора было ясно, как станет развиваться беседа. Сначала она поздоровается. Потом начнет оправдываться. Потом Лариса Витальевна скажет, что она уже посмотрела расписание – обратный рейс через восемь часов, билет заказан.

И все.

Абсолютная уверенность свекрови в своем праве распоряжаться чужой жизнью гипнотизировала. Вика замирала, как кролик перед удавом, презирая себя за трусость и не в силах пошевелиться.

Она уже хотела с привычной заискивающей доброжелательностью воскликнуть: «Здравствуйте, Лариса Витальевна», как вдруг взгляд ее скользнул по дворцу на другой стороне канала. С фасада палаццо горделиво взирал крылатый лев – символ Венеции.

Две секунды Вика, не отрываясь, смотрела на бесстрашного зверя. А потом, совершенно неожиданно для себя, сказала, не здороваясь, в тон свекрови:

– Я их оставила на родного отца.

Тишина на том конце трубки. Лариса Витальевна осмысливала только что брошенный ей вызов.

– Их отец, если ты забыла, работает с утра до вечера, – пропела она наконец.

Крылатый лев улыбался Вике ободряюще.

– Им поможет соседка, – снова удивляясь себе, сказала Вика. – Мальчишки к ней очень привязаны.

– Она старуха!

– Она на три года младше вас.

Ей почудилось, что на том конце провода клацнули челюсти. Снова молчание, тяжелое, почти осязаемое. Его можно бросить, как камень, и что-нибудь разбить.

Например, чью-нибудь семейную жизнь.

Вика знала, что счастье разбивается не разговорами, а молчанием. Ей было тринадцать, когда папа с мамой перестали разговаривать друг с другом. Потом у них нашлись слова, даже слишком много слов, но было уже поздно: молчание разъело их брак, точно кислота.

Глядя на то, во что превратилась потом мать, маленькая Вика твердо уяснила одно: самое страшное для женщины – быть брошенной мужем. Это было не рациональным пониманием, а чистой эмоцией, сродни ужасу перед высотой.

Но вот что удивительно: она, столько лет дрожавшая при мысли, что свекровь вдребезги рассорит ее с Олегом, сейчас ощутила, как на нее нисходит спокойствие. Это все город! Он придавал ей сил.

Ты не можешь уехать, шептала зеленая вода, ты еще не видела Венецию по-настоящему. Ты не можешь уехать, пел ветер, у меня для тебя столько сокровищ!

– Коля сегодня кашлял, – веско уронила свекровь.

И снова долгая пауза, в которой внятно читалось: «Если ты не вернешься, он заболеет воспалением легких и попадет в больницу».

Вика никогда не могла понять, как у Ларисы Витальевны это получается. Иногда ее даже охватывало подозрение, что свекровь телепат и способна вкладывать свои мысли в головы других людей. У Вики никаких собственных мыслей в эту

минуту не было, только тоскливый страх, что ее снова заставят делать что-то ненавистное. Так что ее голова – идеальный ящик, пустой и вместительный.

– Я всегда считала тебя хорошей матерью, – с легкой укоризной добила свекровь («Никогда не сомневалась, что мать из тебя никудышная»).

И тут Вика разозлилась. Может, она и ящик, может, и пустой, но она никому не позволит запихать в себя еще и чувство вины!

– Кашлял, так пусть пектусин на ночь рассосет, – сухо сказала она. – Вы все лучше меня знаете, Лариса Витальевна. Простите, экскурсовод ждет. До свидания.

И отключила телефон.

Крылатый лев с барельефа уважительно смотрел на нее. Вика глубоко вдохнула – и почувствовала, как напряжение отпускает ее. Она перевела взгляд на телефон и только сейчас заметила, что сжимает его так крепко, что побелели костяшки пальцев.

«Господи, я дала ей отпор. Не может быть!»

Ей захотелось плакать и смеяться одновременно. Одиннадцать лет! И впервые она, а не Лариса Витальевна, закончила разговор.

Впервые последнее слово осталось за ней.

– Я люблю тебя, – облегченно выдохнула Вика, адресуясь Венеции.

И наконец-то сделала то, что давно хотела: макнула голую пятку в прохладную текучую воду.

В отель она забежала всего на десять минут, переодеться. Выйдя из номера, Вика начала спускаться по лестнице и услышала снизу голоса.

Один, басовитый и сочный, принадлежал хозяину гостиницы. Другой показался ей смутно знакомым: сиплый, небрежно тянущий слова.

Вика перегнулась через перила, и перед ней открылась вся сцена.

Чернобородый хозяин яростно отчитывал высокого смуглого парня в драных джинсах, с золотой серьгой в ухе. Вика понимала едва ли половину, но уловила, что смуглого увольняют за какую-то провинность. Тот возражал с ленцой в голосе, и эта ироничная отстраненность окончательно вывела хозяина из себя.

– Пошел вон, свинья! – на этот раз Вика разобрала отчетливо каждое слово. – Мерда!

Парень огрызнулся. Фраза была короткой, однако подействовала как пощечина. Чернобородый схватил наглеца за грудки, потрянул – и оттолкнул к стене. Спиной вперед перелетев через весь холл, парень врезался в витрину.

Хрусть!

Вика, словно зачарованная, смотрела, как мелкой сияющей крошкой взрывается стекло, витрина накреняется, а волшебная переливчатая муранская ваза летит вниз, навстречу каменному полу.

Дзынь! – жалобно сказала ваза.

– Ах! – сочувственно вскрикнула Вика, глядя сверху на две половинки.

– Порка мадонна! – задохнулся хозяин.

Парень поднялся, потирая локоть. За окном мелькнули фигуры в синих форменных куртках.

- Сюда! - заорал чернобородый. - Скорее!

Парень быстро, как рыба, скользнул к черному ходу, но был перехвачен на полпути широкоплечим блюстителем порядка.

В потоке слов, которые хозяин отеля обрушил на полицейских, мог бы утонуть и более сведущий в итальянском человек. Вика еле успевала вычленять главное.

- Сволочь! - хозяин тыкал пальцем в провинившегося. - Он давно хотел напакостить! Вы знаете, во сколько обошлась мне эта ваза, синьоры?!

- Сам виноват! - брезгливо выплюнул парень.

- Я виноват?! Я?! Ты разбил бесценную вещь! У тебя не хватит денег, чтобы расплатиться со мной! Ублюдок!

- Пошел ты!

Карабинер хмуро покосился на обвиняемого и вытащил наручники.

Постояльцы, наводнившие холл, боязливо обходили место стычки. Пожилая горничная собирала осколки. Смуглый скривил губы, словно не желал снисходить до объяснения с этими людьми, - и Вика не выдержала.

- Эй! - крикнула она сверху. - Стойте!

Все головы задрались к ней.

Вика торопливо спустилась, с каждым шагом чувствуя, что влипает в дурацкую историю.

За ушами стало горячо - как всегда, когда на нее обращали внимание. А сейчас смотрели все, от горничной до японского туриста в панамке.

- Я видела! Я свидетель! Его толкнули!

Запас итальянских слов от волнения закончился, и Вика, как могла, изобразила, что произошло до прихода полиции.

Ее выразительная пантомима произвела впечатление. Горничная попятилась, а японец в панамке, наоборот, засеменял вперед, на ходу доставая камеру.

– Этого джентльмена толкнули, – повторила Вика, стараясь, чтобы голос звучал твердо. И ткнула пальцем в смуглого.

При слове «джентльмен» парень оскалился. На лицах полицейских отразилось сомнение.

– Женщина что-то путает, – заверил их хозяин отеля. – Вы же видите, она плохо говорит на итальянском. Она совсем недавно приехала!

Он улыбнулся ей – ласково и снисходительно, будто ребенку. Это была улыбка прощения, великодушная возможность для отступления. «Скажи, что ты все перепутала – и замнем на этом. Не выставляй себя еще большей дурой».

И тут всю неловкость Вики как рукой сняло. О, эти снисходительные улыбки, за каждой из которых стоит «помни свое место».

– Вы думаете, раз я туристка – значит... – она пощелкала пальцами, вспоминая, – *mentalmente difettoso*? Нехватка ума?

– Никто так не думает, синьора...

Но Вику уже было не остановить.

– Вы толкнули этого человека. Это вы виноваты!

– Успокойтесь, синьора!

– Я буду волноваться, если потребуется!

– Хорошо-хорошо...

Вика обернулась к полицейским. Два красавца, как на подбор. Раньше бы она смутилась, но сейчас ее только сильнее рассердил вид этих истуканов, игравших роль декораций (правда, весьма внушительных декораций).

– Я пойду с вами в участок! Я – свидетель.

Повисло молчание. Смуглый стоял, отвернувшись, словно происходящее его не касалось. Карабинеры с бесстрастными лицами разглядывали Вику.

– Стационе ди полиция, – чуть менее уверенно повторила она. – Иль testimona!

«Или все-таки не testimona? Как будет «свидетель» по-итальянски? Testimona я дрожащая, или право имею?»

Под холодными взглядами карабинеров ее решительность начала улетучиваться. «А жандармы-то у хозяина отеля наверняка прикормлены, – вдруг заметил трезвый голос в голове. – Обвинят тебя в сговоре с этим драным бродягой... Будешь звонить мужу и объяснять: в милицию замели, дело шьют».

Горничная с открытым ртом тарщилась на нее.

«Боже, во что я вляпалась...»

Но тут чернобородый принял решение.

– Я не хочу создавать вам хлопоты, синьора, – подчеркивая каждое слово, выговорил он. – Маленький инцидент не стоит большого шума!

Он отвернулся и вполголоса затараторил с карабинерами. Воспользовавшись паузой, смуглый скользнул к выходу и тотчас растворился в толпе.

На том скандал и прекратился – стремительно и неожиданно. Полицейские ушли, хозяин принялся давать указания горничной, подчеркнуто не обращая на Вику внимания. Она немного помялась, не зная, что делать дальше. Казалось, победа осталась за ней, но у нее был странный привкус незавершенности. Как-то иначе все это должно было закончиться...

Вика вдруг почувствовала себя виноватой.

Она чуть было не предложила горничной свою помощь, словно разбитая ваза была делом ее рук. Но вовремя спохватилась и последовала примеру беглеца в рваных джинсах.

2

Пестрая толпа текла по каменному руслу извилистой улочки. Вика влилась в нее и замедлила шаг, только когда отель остался далеко за спиной. Никакой радости от своей победы она по-прежнему не испытывала.

«Восстановила справедливость, называется. Даже спасибо не получила в ответ».

Но как у нее хватило храбрости налететь на хозяина? Вике самой было удивительно думать о том, что она на такое решилась. «Этот город что-то делает со мной. Он выдавливает из меня тихоню, которой я была последние десять лет. Он бодрит, как отличный крепкий кофе, который здесь можно выпить на каждом углу».

Переулок, поворот... Ноги сами вынесли ее к белоснежной глыбе собора Санта Мария делла Салюте. Оглядевшись, Вика решила последовать примеру многочисленных туристов и села на лестнице перед входом.

По воде переваливались забитые народом катерки-вапоретто, на той стороне канала три черных гондолы плыли одна за другой, величавые и строгие, как птицы. Юноша и девушка фотографировались на фоне церкви, хохотали, дурачились и выглядели так глупо и прекрасно, как только могут выглядеть влюбленные. А неподалеку от них площадь пересекала пожилая пара. Седая женщина придерживала спутника под локоть.

Вика пригляделась к ним и вздрогнула. Двое стариков невероятно походили на этих юношу и девушку. Будто смешались временные пласты, и пожилая пара шла в двадцати шагах от самих себя, молодых и восторженных.

Долю секунды ей казалось, что старик вот-вот обернется к юноше и узнает его. Но пожилая пара, не оборачиваясь, миновала церковь и скрылась за углом.

Воздух на миг загустел, а когда прояснился, время вернулось на свое место.

– Любопытные фокусы выкидывает этот город, – прошептала Вика.

Неприятная сцена в отеле начисто вылетела из головы. Разве можно было думать о таком вздоре, сидя на площади перед Санта Мария делла Салюте!

Все вокруг казалось неправдоподобно гигантским. Мощные стены базилики, шапка купола, ступеньки, разбегающиеся вокруг собора, как подол разложенной пышной юбки... Вика вспомнила путеводитель: на строительство базилики ушел миллион свай. Миллион! Врут, наверное.

«Здесь на каждом шагу проваливаешься в новое измерение, – думала она, разглядывая огромное небо над собором. – Сейчас я лилипут в стране гулливеров. Куда попаду в следующий раз?»

На нее вновь нахлынула детская беззаботность. Хотелось прыгать, пройтись колесом по площади, станцевать на ступеньках. Мертвый город? Чушь! В нем больше жизни, чем в любом другом! Того, кто способен почувствовать это, Венеция посадит себе на колени, как ребенка, напоит крепчайшим кофе и покажет тысячу картинок в волшебном фонаре – только успевай смотреть!

«Что ты подаришь мне завтра, город?»

Вика легко вскочила и изобразила несколько па. Люди одобрительно захлопали, глядя на танцующую женщину в развевающейся рыжей юбке, и она смущенно рассмеялась.

Но если бы Вике открылась хотя бы десятая часть того, что ее ждет, она не смогла бы даже подняться со ступенек базилики Санта Мария делла Салюте.

3

Номер в отеле встретил ее чужим запахом.

В первую секунду Вика не поверила самой себе. Но обоняние у нее было прекрасное. Входя в переполненный вагон метро или здороваясь с коллегой, переборщившим с парфюмом, она не раз сожалела о том, что Создатель наградила ее чутким носом.

Сейчас в номере выразительно воняло мужским дезодорантом, смешанным с потом.

Здесь был чужак!

Первым побуждением Вики было выбежать из номера. И захлопнуть дверь, чтобы мерзкая вонь не просочилась следом. Она успела обжить эту комнату, превратить ее в пусть временный, но дом, и теперь чувствовала себя, как хозяйка уютной норы, которую обгадил скунс.

Но Вика стиснула зубы и подошла к окну. Нет уж, так легко ее не вытуришь! Стараясь не вдыхать глубоко, она распахнула створки, и ветер щедро плеснул ей в лицо пригоршню свежего воздуха.

Продышавшись и проветрив комнату, она огляделась.

Чужак не просто заходил сюда.

Он рылся в ее вещах.

Чемодан был сдвинут с места, из-под крышки розовым языком вываливалась ее ночная майка. Вика совершенно точно помнила, что сворачивала ее и укладывала на дно.

Дверца шкафа, куда она сложила нижнее белье, оказалась приоткрыта. С отвращением заглянув внутрь, она обнаружила, что в нижнем белье основательно покопались.

- Ах ты мстительный поганец!

Вика заглянула в ванную. Ее зубная щетка, прежде стоявшая на своем посту в стеклянном стакане, теперь лежала на раковине. Вика выкинула ее в ведро, не

раздумывая.

Косметика, кремы, расчески... Все было переложено, захватано чужими руками. Везде остался невидимый след скунса, испакостившего ее жилище.

«Сейф!»

Вика кинулась к шкафу в прихожей.

Из сейфа ничего не пропало. Украшения, лежавшие в косметичке, тоже остались нетронутыми. Она проверила, не позаимствовал ли гость что-нибудь из чемодана, и в задумчивости села на кровать.

Итак, вещи остались на месте. Скунсу не нужна была здесь полиция. И скандала с обвинением в воровстве он не хотел.

Ухмыляющееся лицо чернобородого встало у Вики перед глазами. Ее передернуло. Бр-р! Как он мог казаться ей обаятельным! Злопамятный гнусный тип.

Тщание, с которым визитер «пометил» все ее вещи, наводило на мысли. Даже очень рассеянный человек не смог бы пройти мимо этого послания.

«Он предупреждает меня. Дает понять, что спокойной жизни в его отеле можно не ждать».

Маленькая ноющая женщина внутри нее на секунду подняла голову и скривилась: «Что же я буду де-е-е-е-лать? Надо пожаловаться!»

Глупости, одернула ее Вика. Кому жаловаться? Хозяину отеля? Он-то все это и придумал.

Ноющая женщина обиженно захныкала. «Пусть кто-нибудь придет и поможет! Я сама не смогу. Я не уме-е-е-е-ею!»

«Я и правда не умею, – мелькнула у Вики предательская мысль. – Не знаю, что мне делать. Жаловаться в полицию? Смешно! А ведь он наверняка придумает

новую гадость».

Створка окна стукнула от влетевшего в комнату ветра. Сквозняк взъерошил ей волосы, и Вика ощутила прикосновение на своем плече, как будто кто-то ободряюще похлопал ее теплой ладонью. Правда, вместе с запахом моря ветер принес легкую вонь из мусорных баков, но после чужого дезодоранта Вику она не испугала.

«Я тоже что-нибудь придумаю! – вдруг расхрабрилась она. – Для начала узнаю, где есть свободные номера».

Однако спустя час ее решимость поутихла. Вика обзвонила два десятка отелей и выяснила, что все они забронированы на месяц вперед.

Что же делать, что же делать...

Стены комнаты теперь давили на нее. И этот запах, въевшийся в портьеры!

Вика поспешно собрала сумку и вышла из номера. Она сама не знала, куда идет, лишь бы подальше от оскверненной комнаты. Ей казалось, будто кто-то провожает ее внимательным взглядом, и от этого по спине ползли противные мурашки.

Но, оказавшись на улице, Вика сразу успокоилась. «Я что-нибудь придумаю», – повторила она. Мерзкий голосок выжидательно молчал. Вика знала, чего он ждет: чтобы ей не удалось найти никакого выхода, кроме как вернуться в отель. Тогда это ноющее существо злорадно запищит: «Я же говори-и-и-ила!»

Завернув за угол, Вика оказалась перед знакомой кофейней. На спинках стульев дрожали солнечные пятна, алели петунии в подвесных горшках, и по всей улице разносился аромат кофе и теплых булочек.

Вот оно, поняла Вика. То, что мне сейчас надо.

Она села в тихом углу, подальше от остальных посетителей. Хозяин, узнав ее, приветственно помахал рукой.

– Бонджорно, синьора! Эспрессо? Капучино?

Вскоре перед Викой стояла чашечка с благоуханным напитком. Хозяин принес тарелочку с пирожным, которого она не заказывала, и улыбнулся:

– Комплимент!

Вика, отпивая дымящийся кофе, разглядывала фотографии на стенах. Один снимок притягивал взгляд. Лысый немолодой мужик ухмылялся прямо в объектив, и прищуренные голубые глаза у него были до того ярки, что она заподозрила фотошоп.

– Мой друг, – сказали за ее спиной.

Вика обернулась. Хозяин, склонив голову, смотрел на снимок.

– Старинный друг! Очень-очень много лет его не видел. Моряк!

– Вы тоже были моряком?

– О-о, нет-нет, – он рассмеялся и указал на ногу. – Вот что помешало. Еще пирожное?

– Спасибо. Очень вкусно.

Он принес тирамису и, ставя на стол, шутя заметил:

– Вам нужно есть больше сладостей.

– Почему?

– Когда чем-то огорчен, сладкое помогает. А вы, мне кажется, немножечко огорчены.

Вика вскинула на него беспомощный взгляд. Улыбка исчезла с лица хозяина.

– О-то-то! – озабоченно проговорил он. – Простите, синьора, я не хотел вас обидеть. У вас что-то случилось?

В голосе его звучало искреннее участие, и Вика с каким-то облегчением призналась:

– У меня проблема. Я не знаю, куда переехать из моей гостиницы.

Хозяин придвинул стул и выслушал ее рассказ, хмурясь и покачивая головой.

– Может, вы знаете какой-нибудь маленький отель неподалеку? – со слабой надеждой закончила она. – Я не рисую на обоях и не курю.

Он покачал головой.

– Сейчас высокий сезон, синьора. С отелем я вам ничем помочь не могу. – И, глядя на ее погрустневшее лицо, добавил с улыбкой: – Но, может быть, вам подойдет квартира?

Вика в изумлении уставилась на него. Она, должно быть, не расслышала...

– Я сдаю квартиру неподалеку отсюда, – объяснил хозяин, верно поняв ее замешательство. – Прекрасную квартиру, поверьте мне! – он клятвенно приложил растопыренную пятерню к груди. – Не слишком большую, но чистую и уютную. Вчера жилец неожиданно съехал, и я остался без квартиранта. Вас мне послало само Провидение!

И он несколько театрально указал на небеса.

– И сколько же стоит ваша маленькая квартира? – осторожно спросила Вика.

Он назвал цену. Она оказалась намного ниже, чем в ее отеле.

– Вы можете приходить сюда на завтраки или готовить дома. Там есть кухня.

– А можно ее посмотреть? – Вика по-прежнему ожидала какого-нибудь подвоха. Правда, хозяин вызывал доверие, но ведь мошенники и должны его вызывать.

Старик погрузил руку по локоть в глубокий карман брюк, порылся и извлек на свет связку ключей.

– Этот от нижней двери, эти два от верхней. Я сейчас нарисую, как идти...

Расстелив на столе салфетку, он быстро набросал схему. Вика недоверчиво следила за ним.

– Подождите, – не выдержала она. – Вы хотите, чтобы я отправилась туда одна?

– Вы найдете. Идти недалеко.

– Дело не в этом... – Она запнулась, подбирая слова. – Вы меня совсем не знаете. И хотите дать мне ключи?

Он расхохотался:

– Не украдете же вы мою квартиру!

– А вдруг я сбегу с ключами?

– У меня есть запасные. – Он улыбнулся ее замешательству. – Да, и позвольте представиться: Доменико Раньери.

4

Три часа спустя, не веря своему счастью, Вика поднималась по узкой темной лестнице, покрытой ковром (подумать только – ковром!), на четвертый этаж. За ней следовали два дюжих юноши, тащившие чемодан и сумку. Это были сыновья синьора Раньери. Как ни уверяла Вика, что сама прекрасно справится с вещами, старик был непреклонен: дама не должна нести тяжести, для этого у него есть два мальчика, им будет только приятно помочь.

Мальчики оказались крепкими парнями, молчаливыми и угрюмыми. У Вики мелькнула мысль, что выглядят они как молодые бандиты, специализирующиеся на отъеме денег у недалеких туристок.

Когда добрались до четвертого этажа, один из «мальчиков» распахнул перед запыхавшейся Викой дверь.

– Бенвенута!

Цветы на подоконнике, полосатый диван, на столе газета... В кухне приветственно затрясся холодильник. За распахнутыми створками – руку протяни и, кажется, дотянешься – каменная стена соседнего дома.

Она высунулась из окна. Ого, внизу канал! Возле узенькой пристани торчали три гондольера: один курил, двое других болтали, развалившись в креслах. Вика решила, что у них здесь что-то вроде парковки.

У порога деликатно откашлялись. Синьор Раньери со своей неизменной палкой!

– Пьетро, Даниэле, попрощайтесь с нашей гостьей.

Буркнув поочередно «аддио», сыновья Доменико исчезли.

– Располагайтесь, синьора. Вечером лучше закрывать окно, с канала дует сильный ветер. Внизу всегда собираются лодочники, если они будут вам мешать своими воплями – только скажите. Я живу на третьем этаже, дверь напротив.

Доменико стоял, скособочившись, перенеся вес тела на здоровую ногу. Вика поспешно предложила ему присесть, но тот с улыбкой отказался.

– В кафе много дел. Если завтра решите пойти на выставку, советую встать пораньше. К обеду там будет толпа.

– На выставку?

– Перстень Паскуале Чиконья. Разве вы не слышали? Сегодня был первый день, но слишком много народу, слишком! Если вы читаете по-итальянски, можете

посмотреть здесь, – старик кивнул на газету, лежащую на столе. – Я сам собираюсь пойти ближе к обеду. Всего хорошего!

– Пойдите, синьор Раньери! А кто был этот... Паскуале?

Хозяин кофейни усмехнулся:

– Субдоля! Гранде субдоля!

Едва дверь за ним закрылась, Вика полезла в словарь. Она совершенно не помнила, кто такой «субдоля».

Оказалось – хитрец. Великий хитрец, значит, был товарищ Паскуале.

Разбирать вещи, наспех побросанные в чемодан, не хотелось. Идти на прогулку тоже. Взяв газету, Вика на второй странице обнаружила большую статью: «Возвращение реликвии». Она придвинула к себе словарь и уселась поудобнее.

Выяснилось, что Паскуале Чиконья был дожем Венеции в конце шестнадцатого века, а стал он им, когда ему было семьдесят шесть. Несмотря на почтенный возраст, Паскуале был ясен умом и тверд в решениях. В Венеции существовала традиция: когда новый дож заступал на пост, он разбрасывал в толпу золотые монеты. Чиконья заявил, что это слишком расточительно для казны и заменил дукаты серебром.

Экономный Паскуале правил семь лет. Это при нем знаменитый мост Риальто, бывший тогда деревянным, перестроили в каменный. По слухам, дож потратил часть собственных денег на строительство, за что и был особо любим венецианцами.

Заинтересовавшись, Вика полезла в Интернет.

Синьор Чиконья оказался яркой и самобытной фигурой. Покровительствовал ученым и людям искусства, успешно интриговал и при этом неуклонно пополнял казну Венеции.

Но больше всего Вике пришлось по душе идея Паскуале с перстнем.

С двенадцатого века, читала она, в Венеции существует традиция обручения города с морем. Весной, в день Вознесения, дож появлялся на пристани в великолепной пурпурной мантии и спускался в огромную позолоченную галеру, Бучинторо. Под колокольный звон и крики толпы галера отплывала в окружении гондол и барок, украшенных со всевозможной роскошью.

Город, судьба которого зависела от моря, представал перед ним в своем самом нарядном облике.

У входа в канал Порто сан-Николо ди Лидо галера останавливалась. Патриарх кропил поверхность моря святой водой, а затем наступала очередь дожа. «Мы обручаемся с тобой, о море, чтобы вечно владеть тобой!» – объявлял он и бросал в лагуну золотое кольцо.

Этот ритуал был освящен столетиями и никогда не прерывался.

Пока дожем не стал Паскуале Чиконья.

Собственно говоря, хитрый старик формально не нарушил традицию. Как и его предшественники, он спустился в галеру, доплыл до канала и, сняв с пальца великолепный перстень с яблочно-зеленым халцедоном, бросил его в воду.

История умалчивала о том, сам ли дож догадался привязать нить к перстню или ему подсказали. Вика, кратко ознакомившись с биографией любимца венецианцев, решила, что это, без сомнения, была затея самого Паскуале. «Великий хитрец» не считал нужным разбрасываться ценными кольцами.

В эту затею было посвящено лишь несколько приближенных к дожу людей. Проведя церемонию, Паскуале дал знак, и огромная гондола двинулась к берегу, а за ней и вся свита. Никто не обратил внимания на то, что на месте церемонии осталась маленькая лодчонка. В ней сидел доверенный человек, которому Паскуале незаметно передал кончик нити.

Благодаря этому человеку, скромному аббату Педро Россини, оставившему зашифрованные воспоминания, потомкам и стала известна загадочная история. Потому что когда Россини вытащил мокрую нить, на конце ее болталась ракушка.

Перстень пропал бесследно.

Старый дож пришел в ярость. Его перехитрили! Лишь три человека знали о том, что он собирается поднять перстень из водных глубин. В то, что морской царь решил показать ему, кто в действительности владеет и будет владеть всеми богатствами Венеции, трезвомыслящий Паскуале не верил.

Дождь предпринял расследование, но ничего не добился. Один из троих посвященных был слуга, неотлучно находившийся при нем последние двадцать лет, второй – аббат, третий – его собственный брат, один из самых состоятельных людей города. Кто из них вор?

«Аббат!» – хором сказали исследователи много лет спустя.

Слуга долгие годы доказывал свою верность и неподкупность. Брат дождя был богат – к чему ему перстень? И только скромный Педро Россини, помогавший Паскуале приводить в порядок его библиотеку, был не так прост, как хотел казаться.

Об этом стало известно, когда при раскопках архивов старого монастыря обнаружили его мемуары. Их нашли и расшифровали во второй половине двадцатого века. Из воспоминаний аббата следовало, что он был соглядатаем при дожде, ставленником венецианской знати, озабоченной ростом популярности старого лиса среди народа. Столько лет власть дождей ограничивали, отбирали одно право за другим, опасаясь узурпации власти, – и вдруг должность занимает Паскуале, всеобщий любимец! Толпа при каждом появлении старика взрывалась приветственными криками.

Чиконья не догадывался, что скромный аббат шпионит за ним. Как трудолюбивая пчела, несущая в улей пыльцу, аббат доносил каждое слово старика до его врагов.

Но истории с перстнем Чиконья не простил. Он рассудил, что никто другой не мог украсть кольцо. Никаких доказательств у дождя не было, и аббата просто изгнали из дворца.

Остаток жизни он провел в бедности, живя при монастыре – том самом, где позже найдут его мемуары. Весь смысл существования Россини свелся к тому, чтобы записать свои воспоминания. Аббат потратил на это шесть лет. Закончив же, умер практически в нищете.

Если перстень был у него, отчего Россини его не продал?

Отчего до конца жизни доказывал свою невиновность?

Во всем случившемся имелось еще кое-что необъяснимое.

Паскуале Чиконья бросил перстень в воду на глазах сотен человек. Кольцо видели все. Оно упало в море, в этом не было никаких сомнений.

Когда же его подменили? И кто?

«Похоже, все-таки аббат, – решила Вика, дочитав до этого места. – Только у него была возможность привязать ракушку к нити, пока он находился в лодке».

Она отложила словарь и стала разбираться дальше.

После расшифровки архивов десятки людей, увлеченных загадкой, бросились искать перстень. Предполагали, что, если вор перепродал украшение, оно неминуемо должно было появиться вновь. Искали по картинам, по описаниям драгоценностей. «Яблочно-зеленый халцедон овальной формы в окружении крупных розовых жемчужин, числом восемь, – гласило описание. – На внутренней стороне клеймо мастера в виде крылатого льва». Энтузиасты перерыли все парадные портреты той эпохи, рассматривая украшения на пальцах дам и мужчин. Перстень стоил целое состояние!

Но и тут всех ждало разочарование. Очевидно, вор решил не рисковать и продал отдельно халцедон, отдельно жемчужины.

Расследование постепенно затихло. Все признали, что восстановить правду за давностью лет невысказано, и шумиха, поднявшаяся после расшифровки записей Россини, мало-помалу сошла на нет.

А через двадцать восемь лет после обнаружения мемуаров аббата грянул гром среди ясного неба.

Перстень нашелся.

Помогла в этом, как ни странно, старинная лодка.

Парадная галера дожа, Бучинторо, хранилась в музее истории военно-морского флота в Венеции. Вернее, не сама галера, а ее копия. «Золотых кораблей» существовало несколько, и последний был разобран в тысяча восемьсот двадцать четвертом году.

Однако копия была собрана в том числе из тех деталей, которые по чистой случайности уцелели после разрушения последнего экземпляра. По словам сотрудников музея, выставочный образец на двадцать процентов состоял из «настоящего» Бучинторо.

Ночью две тысячи двенадцатого года сторож музея услышал в одном из залов какой-то треск. Он бросился туда, но вместо грабителей увидел, к своему изумлению, как праздничное судно рассыпается на его глазах. Отвалились весла, рухнула и сломалась мачта, с жутким треском обрушился крылатый золотой лев, украшавший нос галеры. Позже выяснилось, что жучки-древоточцы буквально выели несчастный корабль изнутри. Осталась одна оболочка, хрупкая, как скорлупа, которая и развалилась на глазах обомлевшего сторожа.

Старик успел отскочить, когда доска с барельефом – та самая, оставшаяся от настоящего корабля, – упала ему под ноги. Дерево разлетелось, и сторож, на минуту переставший отличать реальность от иллюзии, увидел в выемке тусклый металл, в котором зеленел яркий, как мох, камень.

Это и был перстень Паскуале Чиконья.

После дружного ликования настало время для новых вопросов. Каким образом перстень оказался спрятан в галере, если это было не то же самое судно, на котором плавал Чиконья? Ответ на эту загадку был вскоре найден. Когда ученые исследовали доску с тайником, выяснилось, что ей значительно больше лет, чем предполагалось. Очевидно, она перекечевала с борта лодки старого дожа на свою преемницу. Таким образом, барельеф добрался до нашего времени целым и

более-менее невредимым.

Но кто спрятал кольцо в галере? Ответ на этот вопрос не был известен никому.

Как только подлинность перстня была подтверждена, народ пожелал увидеть сокровище, вокруг которого ходило столько легенд. Для выставки была выбрана церковь Святого Гаэтано. Но за два дня до предполагаемого события с ее сводов вдруг посыпалась штукатурка. В срочном порядке демонстрацию украшения перенесли в выставочный центр.

Вика сверилась с картой: до центра оказалось недалеко, во всяком случае, на первый взгляд. Она уже успела почувствовать, что этот город ненавидит карты и при каждом удобном случае водит путника кругами.

«Ничего, доберусь!»

Глава 4

1

Если бы не помощь древней старушки, сжалившейся над бестолковой туристкой, Вика ни за что не попала бы на выставку. Она заплутала в одинаковых улочках, причем карта уверяла, что за углом вот-вот покажется нужный дом. Но тот как сквозь брусчатку провалился. В конце концов, узрев крохотную старушку с черной собачонкой на поводке и признав в ней местную, Вика бросилась к ней.

Старушка, лукаво усмехнувшись, взяла ее за руку, свернула в какую-то подворотню (Вика могла бы поклясться, что пять минут назад на этом месте была стена!), и через двадцать шагов они вынырнули напротив желтого здания без окон.

– Тысяча благодарностей, синьора!

Собачка твякнула, старушка подмигнула, и обе растворились в кривых закоулках.

Вика выстояла небольшую очередь в кассу и мысленно сказала спасибо синьору Раньери: людей в этот утренний час и впрямь было немного. Десять минут спустя она уже входила в небольшой зал со сводчатым потолком. Справа экскурсовод вела за собой стайку туристов, монотонно бормоча на немецком. Слева семейная пара, недовольная тем, что их заставили сдать рюкзаки в камеру хранения, шепотом ругалась по-английски.

Вика поскорее миновала их и замедлила шаг.

В центре зала на высоком постаменте стоял ярко освещенный стеклянный куб. По обеим сторонам от него висели два охранника. Взгляд одного из них цепко скользнул по Викиному лицу. Ощущение было неприятное. словно муха проползла по коже и улетела, а легкий зуд от ее лапок остался.

«Ему по должности положено», – успокоила себя Вика. Охранник напомнил ей кого-то, но приглядываться она постеснялась.

К тому же здесь имелось кое-что намного более интересное!

Перстень Паскуале Чиконья.

Придвинувшись вплотную к кубу, Вика уставилась на него во все глаза.

Фотографии не передавали его размера. Больше всего перстень оказался похож на небольшое зеркало, поднесенное к водам венецианского канала. Зеленый халцедон был глубокой и таинственной, а крупные розовые жемчужины, обрамлявшие камень, словно придавали ему свечения.

На месте дождя Вика тоже не спешила бы расстаться с таким украшением.

Семейная пара, скандалившая из-за рюкзаков, оттеснила Вику в сторону. Женщина застыла перед витриной, восхищенно бормоча ругательства себе под нос. Мужчина крутился вокруг и пытался сфотографировать перстень на камеру телефона.

- Ноу фото, - предупредил охранник.

Недовольно ворча, турист отступил.

Вика не стала толкаться. Отойдя, она остановилась возле пояснительной таблички. Новых сведений из истории перстня почерпнуть не удалось, но зато ей впервые попала на глаза информация о его стоимости.

На английском, итальянском и немецком языках табличка извещала, что примерная оценка экспертов - полтора миллиона евро.

Полтора миллиона евро! Вика попыталась перевести эту сумму сначала в рубли, а потом в квартиры. Лютое количество нулей ошеломило ее. Выходило, что, будь Вика обладательницей перстня, она могла бы купить весь Московский Кремль и еще чуть-чуть осталось бы на кусок Тверской.

Вика хмыкнула и пересчитала еще раз.

Теперь получилось, что в перстне укладываются четыре их квартиры.

«Вот это ближе к реальности. А то - Кремль, Кремль... Размахнулась».

Вика взглянула на перстень с некоторым даже пренебрежением. Четыре средненьких квартирки в довольно паршивом районе! Подумаешь!

«Восемьдесят лет ипотеки в общей сложности», - бесстрастно сообщил внутренний голос.

Вика сглотнула.

«А если только с твоей зарплаты, то сто шестьдесят», - добил голос.

Вика помрачнела. «Стыдно! Стыдно думать о таких приземленных вещах, когда рядом многовековая реликвия».

Она снова попыталась подойти к стеклу, но теперь куб прочно был окружен немцами во главе с экскурсоводом. Они ахали, качали головами и цокали языками. Один, пожилой и толстый, крутил головой по сторонам и на что-то указывал своей спутнице.

Вика проследила взглядом за его рукой. Камеры! Змеиные их головки торчали из всех углов.

Она еще немного побродила по залу, ожидая, пока рассосется толпа. Мысли об ипотеке отчего-то испортили ей настроение.

Наконец возле куба образовался небольшой просвет. Вика торопливо протиснулась и стала глядеть изо всех сил, стараясь напоследок сохранить в памяти перстень дожа. Они ей нравились – и перстень, и дож. И еще, как ни неловко было в этом признаваться, ей нравился плут, который стащил кольцо. Перехитрить самого «гранде субдоля» – в этом был размах!

«Жаль, что мы никогда не узнаем, как он это проделал».

Сейчас, когда она стояла, плотно стиснутая людьми, перстень отчего-то потерял часть волшебства. Халцедон больше не завораживал игрой глубины. Жемчужины выглядели как розовые бусины из детской заколки. Вика вздохнула, отодвинулась от англичанки, толкавшей ее сумку, и выбралась из скопища зевак.

Она пересекла зал, миновала, зачем-то подняв руки, металлическую рамку, дошла до выхода. Ее беспечному туристическому существованию было отведено не больше минуты, но Вика об этом не знала. Голова была занята мыслями, в которых фигурировали обед на набережной, великолепный Тинторетто в одной церквушке неподалеку, чашечка кофе возле Риальто, а также лавочка с украшениями в переулке за часами (и не забыть забежать в аптеку за пластырем: похоже, она натерла пятку!).

Стеклянные двери разъехались перед ней, сверкнув на солнце и на миг ослепив. А в следующую секунду сумку дернули из Викиных рук.

Рывок был сильный. Но Вика выросла не в расслабленной Европе, а в России, где навык удержания родной сумки является одним из базовых для каждой

женщины, хотя бы раз в неделю покидающей стены дома.

Вика пять лет подряд ездила по Сокольнической ветке, дважды в день совершая переход с «Библиотеки имени Ленина» на «Боровицкую» и обратно. Она не выпустила бы сумку из рук, даже если б на другом конце болталась собака Баскервилей.

А до страшного чудовища грабителю было далеко. Мелкий тщедушный шкет, злобно оскалившись, тянул на себя Викин баул. В трех шагах от выставочного центра, среди шумной толпы, не боясь ни туристов, ни полицейских.

Если Вика и опешила в первую секунду, то во вторую злость вытеснила в ней растерянность.

А в третью в дело вступили навыки выживания, приобретенные в российском мегаполисе.

Она подалась навстречу грабителю, а когда тот потерял равновесие, от души лягнула поганца. Удар пришелся в голень. Грабитель взвыл, и тогда Вика изо всех сил дернула сумку на себя.

Парень выпустил несостоявшийся трофей и чуть не повалился на спину. Извернувшись, как кошка, он едва коснулся брусчатки ладонью, вскочил и бросился бежать, заметно прихрамывая на правую ногу.

Вика проводила его воинственным взглядом. В ней даже зародилась мысль, не броситься ли следом. «А что? Догнать, избить сумкой...»

«Отобрать деньги, часы и проездной на вапоретто», – закончил внутренний голос, возвращая трезвый взгляд на вещи.

Вика усмехнулась. Хороша она была бы, рванув за местным воришкой в лабиринт венецианских улиц.

Она отошла в сторону, переводя дух. Кажется, никто вокруг даже не обратил внимания на эту молниеносную стычку. Так, теперь проверить, все ли на месте...

Вжикнув молнией, Вика склонилась над богатым сумкиным содержимым. Паспорт, расческа, кошелек, билет на выставку (надо бы выкинуть!), русско-итальянский словарь, телефон, блеск для губ...

И перстень дожа Паскуале Чиконья.

Несколько секунд Вика оторопело смотрела на него, а затем в глазах у нее внезапно потемнело. Она зажмурилась.

«Этого не может быть».

Но когда она разомкнула веки, перстень никуда не исчез. Он лежал на дне ее сумки между блеском и телефоном, огромный, зеленый, тускло сияющий золотым, и жемчужины больше не походили на бусины из детской заколки.

У Вики перехватило дыхание. Она очень медленно и осторожно просунула ладонь в сумку и пощупала перстень. У нее оставалась слабая надежда, что пальцы пройдут сквозь хризолит, что это всего лишь иллюзия, солнечный удар, наваждение...

Перстень был тверд и холоден, как речной камень.

Он был настоящий.

Все мысли и чувства Вики куда-то испарились, вытесненные столкновением двух взаимоисключающих фактов. Перстень не мог оказаться в ее сумке. Перстень был в ней.

2

И тут завывала сирена.

Пронзительный звук воткнулся в беззаботную туристическую разноголосицу, точно сверло. Виу, виу! – надрывалась сирена. Кое-кто на площади в ужасе поднял голову к небу, словно ожидая атаки бомбардировщиков.

Толпе, еще миг назад неторопливой и расслабленной, будто сделали инъекцию страха. Люди побежали во все стороны сразу, сталкиваясь, как молекулы в броуновском движении. Больше всего это походило на ускоренную перемотку.

Хлопнула дверь, раздался топот, крики, заплакал ребенок, и вдруг совсем рядом оглушительно залаяла собака.

Оцепеневшую Вику этот лай привел в себя.

Площадь, люди, крики, сирена – все обрушилось на нее с разных сторон. Ступор сменился отчаянным страхом. Ее схватят, и она никогда не докажет, что не имеет отношения к краже.

«Полтора миллиона евро! Я буду сидеть в тюрьме до конца своих дней!»

На дальнем конце площади замелькала синяя форма. Карабинеры! Двое! Еще двое выскочили из дверей, рядом с которыми стояла Вика, их крики вплелись в какофонию улицы.

Панический страх ошпарил ее. Страх заставил сорваться с места, сжимая в руке сумку. Страх гнал ее прочь от места преступления, заглушал голос здравого смысла. «Беги, беги! прячься от них! затаись! они тебе не поверят! ты должна спрятаться! только это тебя спасет!»

Вика мчалась со всех ног. Пробегая по мосту над каналом, она на несколько секунд задержалась. Сумка с перстнем жгла ладони. Сбросить ее? Но владелицу отыщут по содержимому! «Паспорт! Господи, зачем я потащила с собой паспорт?!»

Замерев на мосту, она в полной мере ощутила себя преступницей. «Избавься от перстня! – надрывался внутренний голос. – Брось его в воду, скорее!»

Но сзади оглушительно засвистели, и Вика снова бросилась бежать.

Не соображая, что делает, она влетела в какой-то магазинчик и чуть не закричала от ужаса. Со всех стен на нее тарацились слепыми прорезями разноцветные лица. Она не сразу поняла, что это венецианские маски.

Изумленный продавец, собственное бледное отражение в зеркале, пышные фиолетовые перья – все это бросилось ей в глаза прежде, чем она успела выскочить обратно. Но в голове застрял единственный образ: черная жуткая маска средневекового лекаря с длинным клювом.

Она металась среди улиц, как крыса в лабиринте. «Выкинуть, выкинуть улику!» – билось в голове. На кольце останутся ее отпечатки. «Платок! Стереть следы!»

Но стоило Вике остановиться, как из-за угла донесся громкий топот. Вздвогнув, она метнулась в сторону, ударила плечом об угол дома и чуть не выронила сумку.

Топот приближался. Теперь не оставалось сомнений, что карабинеры совсем рядом.

Переулок был совершенно безлюден. Вика затравленно огляделась, пытаясь найти хотя бы подобие укрытия. Пусть зазор между домами, пусть мусорный бак! Она втиснется в щель, как ящерица, закопается в объедках, как крыса! Все, что угодно, лишь бы спастись!

Но дома мрачно смыкали ряды, и даже ставни были наглухо закрыты.

Шаги прозвучали близко, словно невидимые карабинеры уже вынырнули из-за угла. Вика, дрожа, вжалась в стену – и вдруг напротив себя увидела приоткрытую дверь. Выкрашенная в один цвет со стеной, затененная высоким соседним домом, она до последнего не бросалась в глаза.

Врата рая не показались бы такими заманчивыми грешнику, отбившему в аду пару-тройку веков. В следующий миг Вика уже тянула на себя железное кольцо.

Изнутри дохнуло холодом и тишиной. Скользнув в помещение, она с бьющимся сердцем закрыла дверь, молясь, чтобы полицейские ничего не заметили.

Скрип, негромкое бряцанье засова – и беглянка оказалась отсечена от мира.

Обернувшись, Вика поняла, что в каком-то смысле так оно и есть. Потому что ее временный приют был не чем иным, как церковью.

На первый взгляд помещение выглядело совершенно безлюдным. Вика с содроганием ждала, не появится ли священник, но безмолвия не нарушало ничего, кроме ее собственного учащенного дыхания. Сквозь узкие витражи падал солнечный свет, расплываясь на каменном полу золотыми и розовыми кляксами. Картина на стене изображала вознесение Марии.

Вика перевела дух и, беззвучно ступая, двинулась к длинным пустым рядам сидений.

Она не села, а упала на жесткую скамейку и сразу же заглянула в сумку. В полумраке перстня не было видно, и надежда всколыхнулась в Вике с отчаянной силой. Неужели это была игра воображения? Может быть, она простудилась, и под воздействием высокой температуры пригрезилось бог знает...

Пальцы наткнулись на твердый холодный предмет. Вика чуть не взвыла от разочарования. Никаких болезней и галлюцинаций. Перстень дожа по-прежнему лежал в сумке, зеленый, как яблоко, сорванное Евой.

«О том, как он попал ко мне, я подумаю потом. А сейчас нужно от него избавиться!»

Вика осторожно вытащила украшение. Да, это перстень дожа, без всяких сомнений – вон и клеймо на внутренней стороне: фигурка крылатого льва и рядом какие-то плохо читаемые значки. Господи, как дрожат руки! Она торопливо принялась обтирать перстень со всех сторон подолом юбки и чуть не выронила его, когда ей почудилось, что дверь скрипнула.

Покончив с уничтожением отпечатков, Вика достала из кармана носовой платок, завернула в него перстень и встала, оглядываясь. Узелок так тянул руку, словно там было не кольцо, а по меньшей мере кирпич.

С распятий на каменных стенах укоризненно смотрел Христос. Даже у Девы Марии на картине было такое выражение лица, словно Вика стащила у нее фамильную ценность.

Женщина медленно двинулась вдоль стены, ища взглядом подходящий тайник. Картина, распятие, еще одно распятие... Стоп!

Она замерла перед огромным, от пола до потолка мраморным барельефом. Это было «Положение во гроб», копирующее картину Караваджо. Однако неизвестный скульптор добавил кое-что от себя. В правом нижнем углу барельефа возлежал вылепленный в мельчайших деталях венецианский крылатый лев и смотрел на скорбящих с тем интересом, который кошки проявляют ко всякого рода суете. Мощной лапой лев прижимал опрокинутую чашу.

Без сомнения, чаша что-то символизировала. Но для Вики было куда важнее, что скульптор, верный натуре, изваял в ней настоящее углубление.

Заметила она это случайно, когда свет из окна на минуту сделал тени четче. Волнуясь, женщина подошла вплотную и ощупала деталь барельефа. В чаше легко помещался ее кулак. Не раздумывая, Вика протолкнула внутрь свой платок с завернутым в него перстнем и быстро отошла назад. Если бы кто-нибудь и появился в церкви, то увидел бы обычную туристку, любующуюся достопримечательностями.

Венецианский лев теперь косился хитро, словно намекая на общую тайну. Походив мимо барельефа влево-право, Вика убедилась, что нет такой точки, с которой содержимое чаши бросалось бы в глаза. Взгляд ее упал на стопку брошюр, забытых на скамейке. «Церковь Святого Пантелеймона», – прочитала Вика заголовок.

«Святой Пантелеймон, пусть помощник священника окажется нерадивым! – взмолилась она. – Не дай ему часто протирать пыль! Да хранит большой лев своего маленького крылатого собрата».

Из бокового нефа донеслись приглушенные голоса. Не дожидаясь свидетелей, Вика схватила сумку и быстро пошла к выходу. Напоследок она не удержалась и обернулась.

Удивительные все-таки вещи творил свет с пространством барельефа. Теперь ей почудилось, что крылатый лев прижимает чашу не к земле, а к себе, словно заявляя: «Мое!»

И при этом на морде его определенно играла насмешливая ухмылка.

До дома синьора Раньери Вика добралась с поразившей ее саму легкостью, словно ее вело какое-то чутье. Не доходя одного квартала, она заметила в тупике маленький магазин с одеждой. Даже на манекенах, стоявших в призывных позах у входа, вещи выглядели весьма затрапезно. Должно быть, поэтому покупателей внутри и не наблюдалось. Сонная толстая продавщица ютилась на табуретке, глаза в орущий телевизор.

Поколебавшись, Вика зашла, стараясь не привлекать к себе внимания.

Продавщица даже не повернула головы.

Вика схватила с вешалки первую попавшуюся кофту и нырнула в примерочную. Собственное отражение заставило ее вздрогнуть. Из зеркала на нее смотрела всклокоченная женщина с безумным взором. Лохматый подол юбки (когда она успела порвать ее?), рубашка в пятнах пота, рукав перепачкан (где? как?). На лбу у женщины не хватало лишь надписи: «Я украла перстень Паскуале Чиконья».

Когда Вика входила в магазин, она хотела лишь здраво оценить свой внешний вид. Но теперь ее планы поменялись. Так ходить по городу нельзя. Удивительно, что ее до сих пор не задержали!

Десять минут спустя она покинула магазин, оставив сонной продавщице почти всю наличность. На ней болтались льняные брюки и длинная рубашка фасона «хламида». Взлохмаченные волосы были спрятаны под кепку, а рыжая юбка и зеленая блузка безжалостно утрамбованы в сумку. Заодно выяснилось, что любимые Викины стеклянные бусы, похожие на елочное украшение, пропали бесследно.

Пытаясь вспомнить, где она могла потерять их, Вика дошла до дома. Встречные не обращали на нее никакого внимания, из чего она сделала вывод, что маскировка оказалась неплохой.

Теперь подняться в квартиру, собрать вещи – и скорее в аэропорт! Она улетит первым же рейсом!

Но на мосту через канал Вика замедлила шаг.

Она сама не понимала, что смущает ее. Никакими карабинерами и не пахло. Из булочной выходила женщина, прижимая к груди длинный, как весло, багет. Прохожие шли по своим делам. Над каналом, перекинутые через веревку, развевались две простыни в голубой цветочек, и этот уголок Венеции казался тихим и безмятежным.

Но Вика отчего-то продолжала стоять на мосту.

Тихим и безмятежным... Тихим и безмятежным...

Вот оно!

Он был слишком тихим и безмятежным!

«Внизу всегда собираются лодочники», – сказал Доменико Раньери. Но сейчас канал был совершенно пуст. Никого: ни развеселых болтунов, ни курильщика в соломенной шляпе, ни пришвартованных у причала гондол.

Безусловно, этому имелось здоровое объяснение. Очевидно, гондольерам подвернулись клиенты, и итальянцы не захотели упускать свою выгоду. Кто будет бить баклуши, когда косяком идет щедрый турист!

Но Вика отчего-то попятилась, сошла с моста и завернула за угол ближайшего дома. В тесном переулке остро пахнуло кошками и мочой, под ногами зашуршали грязные обертки. Вика задержала дыхание. Она сама не знала, чего ждет. Но то же чутье, которое вывело ее через самые запутанные улочки к нужному дому, сейчас заставляло ее оставаться на месте.

Вика дождалась компании туристов, медленно бредущих по брусчатке и фотографирующих все подряд, и, когда они миновали ее, высунулась наружу, прикрытая их спинами.

И успела заметить в своем окне тень за шторами.

В квартире ее ждали.

Возможно, это был сам хозяин, решивший полить цветы в ее отсутствие или починить сломавшийся холодильник. Но Вика не собиралась этого выяснять. Она выскользнула из вонючего переулка и быстро пошла прочь, вжимая голову в плечи. Даже когда она свернула, ей долго еще казалось, будто чей-то взгляд буравит спину.

Вика удалялась все дальше и дальше, изредка оглядываясь, пока не убедилась, что за ней нет ни слежки, ни погони. Тогда она забрела в какую-то дешевую трактирию, спряталась в дальний угол и, в ответ на вопросительный взгляд официанта, ткнула в первый попавшийся пункт меню. Судя по тому, что принес официант, она заказала сушеные кроличьи уши. Есть это было невозможно, но у Вики и не было аппетита. Машинально прихлебывая кофе, она пыталась обдумать положение, в котором оказалась.

Перстень как-то оказался в ее сумке.

Теперь он спрятан в тайнике.

В квартире ее ждут.

У Вики не было никаких идей о том, кто это может быть, но в одном она была уверена наверняка: встретиться с этими людьми у нее нет ни малейшего желания.

Мысли ворочались в голове тяжело, как ложка в загустевшей каше. Вика взглянула на часы и изумилась, увидев, что они показывают половину первого. Ей казалось, она вошла в здание выставочного центра много часов назад! Черт бы побрал этот камень, и выставку, и Паскуале Чиконья, и того, кто стащил у него проклятый халцедон.

И конечно, того, кто втянул ее в происходящее!

Кто он? И как ему это удалось?

Вика пыталась заставить себя рассуждать логически, но с ней творилось что-то странное. То ли от пережитого испуга, то ли по какой-то другой причине, но она совершенно лишилась способности размышлять. Перед глазами мелькали сцены:

она опускает в чашу перстень; мечется по лавке с масками; таится в загаженном кошками переулке. На нее снизошло тяжелое отупение.

Самое же плохое заключалось в том, что в ней снова прорезался внутренний голос.

Это был не тот скептик и ворчун, который помог ей прийти в себя после прилета. Ему Вика была бы только рада. Но с ней начала разговаривать та, кого она в себе терпеть не могла.

Маленькая женщина с личиком, готовым в любую секунду скривиться в плачущей гримасе. Плакса была беспомощна и робка. Она умела справляться лишь с повседневными заботами. А самое главное, она была убеждена, что больше ничего и не должна уметь. Для всего остального есть муж.

Это назойливое существо когда-то проросло в ней, как сорняк, и теперь цепко держалось за душу. Слабой и глупой оказалось быть удобно. Самое страшное заключалось в том, что она все упорнее вытесняла саму Вику. Точнее, ту женщину, которой Вика себя хотела видеть.

На некоторое время по этому сорняку прокатился красный велосипед с обложки голубого блокнота, и Плакса затихла. Но теперь снова подняла голову.

«Ты ничего не сможешь сделать одна!» – шепнула эта, плаксивая. Вика ощутила тяжесть и жар в голове, точно туда залили ведро кипятка. Захотелось разреветься. Пусть придет кто-нибудь большой и умный, пусть вернет все, как было!

«Позвони мужу! Он тебе поможет. Ты сама – всего лишь запутавшаяся дурочка».

Именно ей Вика себя и ощущала. Запутавшейся дурочкой.

«Тебя посадят в тюрьму!»

Существо ныло и канючило. Оно требовало, чтобы Вика немедленно достала телефон и набрала номер Олега. Ведь это она виновата в случившемся! Если бы не ее идиотское желание непременно поехать в Венецию, все было бы в

порядке!

Неимоверным усилием воли поборов желание действительно позвонить Олегу и зарыдать в трубку, Вика стиснула зубы и велела Плаксе заткнуться. Муж ей не в силах ничем помочь. Даже если он каким-то чудом оформит визу за два часа и примчится, как Бэтмен, – что он может такого, чего не в состоянии сделать она сама?

Эта мысль ее неожиданно встряхнула. «Я, взрослая женщина, сижу и ною, чтобы пришел кто-то вроде папочки и все исправил. Но, черт возьми, я ни в чем не виновата! Это какое-то нелепое стечение обстоятельств!»

Стечение обстоятельств?

Постойте, но это же чушь.

Вика уставилась перед собой невидящим взглядом. Почему бы ей не подумать наконец, с чего все началось?

Кольцо попало в ее сумку. Да, но что этому предшествовало? Перед глазами словно кадры замелькали: касса, англичане, экскурсовод, стеклянный куб...

Плаксивый внутренний голос снова попытался бормотать насчет звонка Олегу, но на этот раз ему не хватало убедительности. Вика напряженно встраивала один факт за другим в картину случившегося. Она и сама не заметила, как отупение слетело с нее, стоило начать анализировать произошедшее и составлять мысленный портрет каждого из тех, кто вместе с ней пришел поглазеть на утраченное и вновь найденное сокровище дожа.

Кажется, ее то и дело толкали. Да, определенно! И все время это был один человек – англичанка. Хотя, вспоминая ту женщину, Вика никогда не сказала бы, что она из Англии: высокая, с темной копной кудрявых волос и ярко-алыми губами... И муж ее выглядел на удивление загорелым.

«Они говорили по-английски, но это ничего не значит».

Было что-то важное, ускользавшее от нее. Какое-то ощущение неправильности, всплывавшее, когда она восстанавливала в памяти то, что случилось в выставочном зале.

А что там, собственно, случилось?

Вспоминай, вспоминай, подгоняла она себя. Каждую секунду!

«Я вошла. Приблизилась к стеклянному кубу. Охранники уставились на меня, но потом переключились на фотографирующего англичанина. Или это было после? Ах да, я отодвинулась от них, чтобы почитать про перстень. А камеры? Если они работают, там должно быть видно, что я не краля перстень!»

Внезапно Вика сообразила, что за неправильность царапала ее.

Когда она второй раз подошла к стеклянному кубу, перстень выглядел как фальшивка.

Вот оно! Вика махнула рукой и чуть не опрокинула чашку с кофе. Услужливый мальчик-официант кинулся было к ней, но вовремя понял, что клиентке его помощь не нужна. Она сидела с широко распахнутыми глазами и беззвучно шевелила губами. Наблюдать за ней было забавно, но мальчик деликатно отвернулся. Захочет их поганого кофе – позовет.

«Фальшивка! – билось у Вики в голове. – Перстень успели подменить, пока я отходила в сторону».

Бог знает, как воры ухитрились это проделать. Но теперь она отчетливо вспомнила и дешевый вид халцедона, и тусклый блеск жемчужин. Недаром ей на ум пришло сравнение с детской заколкой!

«Голову дам на отсечение, это был обычный пластик».

Выходит, в то время как посетители любовались на откровенную подделку, кто-то незаметно подсунил настоящую драгоценность в Викину сумку. Шкет, пытавшийся вырвать ее на улице, из той же шайки. Если бы не Викина цепкость...

«Если бы не моя цепкость, все было бы в порядке, – мрачно подумала Вика. – Я осталась бы без сумки, но и без украденного перстня. А теперь, получается, я сбила вора все планы».

Ей впервые пришло в голову, что, возможно, в квартире ее дожидались вовсе не стражи порядка. От этой мысли Вика похолодела.

И что теперь делать?

«В полицию идти, разумеется, – проворчал внутренний голос. – Ты чертовски сглупила, когда побежала от карабинеров. Нужно исправлять эту глупость».

«В полицию?! – взвизгнула Плакса. – Идиотка! Они арестуют тебя! Они объявят, что ты воровка!»

Вика поднялась. О чем она только думала все это время? Ей стало стыдно. Бегала, пряталась... Ну чисто заяц!

Оставив на столе в кафе последние деньги, она вышла на улицу. Утром, во время прогулки по Сан-Марко, она заметила полицейский участок, скрытый от глаз в узкой сводчатой подворотне. Туда-то ей и предстояло попасть.

У нее промелькнула мысль, что можно для начала позвонить. Представиться, назвать адрес кофейни и смиренно ждать, пока за ней придут. Перспектива сидеть с чашкой остывшего кофе, когда в кафе вломятся дюжие молодцы-карабинеры, развеселила ее. Вика не думала, что в нынешнем положении ее может что-то рассмешить. Но представив лицо мальчика-официанта, она фыркнула.

Однако при мысли о том, что придется разговаривать на итальянском по телефону, тем более с полицией, ее охватило смущение. Ее станут многократно переспрашивать, направлять от оператора к оператору, и эту бесконечную беседу услышат все вокруг!

Вика покраснела. Ни за что! Лучше объяснить ситуацию лично.

Преодолей она свой страх, все пошло бы иначе. Но с того момента, как Вика Маткевич вышла на улицу, ведущую к площади Сан-Марко, ее дальнейшая участь была решена.

Глава 5

1

По мере приближения к площади Вику охватывала не робость, а парадоксальным образом усиливавшаяся уверенность в себе. Причин было две. Во-первых, ей удалось со второй попытки составить на итальянском фразу: «Я русская туристка, мне известно, где находится похищенное кольцо Паскуале Чиконья». Вике казалось очень важным упомянуть, из какой она страны. Так полицейские быстрее свяжутся с российским посольством, рассуждала она, и оттуда пришлют переводчика. В свете предстоящих объяснений переводчик явно был не лишним.

Во-вторых, толпа вокруг нее постепенно густела, и в арку под знаменитыми астрологическими часами Вика входила, плотно сжатая со всех сторон. Это ощущение успокаивало. Оно дарило ностальгические воспоминания об утреннем метро, где ты так же влеком человеческой волной. Вика даже непроизвольно сжала ладонь вокруг воображаемого поручня.

Над Сан-Марко синело безмятежное небо. Облака по нему плыли пухлые, как ангелочки на картинах Веронезе. Вика подняла глаза к небесам, перевела взгляд на туристов, вольготно развалившихся за столиками знаменитого «Флориана», и поклялась себе, что, когда все закончится, она закажет самый дорогой десерт и усядется так же, по-хозяйски. Может быть, даже закурит! Почему бы и нет, черт возьми!

Когда все закончится.

«Уже скоро!»

Двое неброско одетых итальянцев, идущих навстречу, поравнявшись с Викой, одновременно развернулись и подхватили ее под руки. Это было сделано так молниеносно, что она даже не успела понять, что произошло. Они волокли ее, как куклу, улыбаясь и тараторя друг с другом. Несколько секунд Вика недоуменно переводила взгляд с одного на другого. Первой ее мыслью было, что произошла ошибка. Ее с кем-то перепутали. Эти белозубые улыбки на их лицах, быстрая болтовня, из которой она не понимала ни слова...

- Пустите!

Вика дернулась, пытаясь вырваться, и к спине чуть выше и левее поясницы прижалось что-то холодное и острое, по ощущениям похожее на спицу.

Идущий слева повернул к ней улыбающееся рябое лицо, и Вика пробил холодный пот. Рот итальянца скалился в радостной ухмылке. А верхняя половина выглядела окаменевшей. Только в глазах полыхала лютая злоба.

- Веди. Себя. Тихо.

Он проговорил это медленно и внятно, не прекращая скалиться.

Вика не могла верить в происходящее. Окруженные туристической толпой, в пяти шагах от полицейского участка, двое мужчин тащили ее в неизвестном направлении. Абсурдность происходящего не укладывалась в голове.

«Кричи! - отчаянно шепнул внутренний голос. - Кричи, пока не поздно!»

Площадь осталась сзади. Над головой нависли темные своды Прокурации, основная масса гуляющих была отделена колоннадой. Им оставалось пройти совсем немного до узкого темного проулка, похожего на крысиную нору. «Туда они меня и тащат!» - поняла Вика.

Сознание ее раздвоилось. Первая половина, настаивавшая, что Сан-Марко самое безопасное место во всем городе, по-прежнему не могла принять происходящее всерьез. Но вторая была охвачена смертельным ужасом. У Вики подогнулись ноги.

Она открыла рот, готовясь завизжать, и тогда тот, что держал ее справа, нанес короткий, почти незаметный удар в солнечное сплетение.

Вика не смогла даже ахнуть от боли. Внутренности словно стиснули в кулаке. Дыхание пресеклось. Она согнулась пополам и не упала лишь потому, что ее продолжали крепко держать с обеих сторон.

- Быстрее! - сквозь зубы приказал тот, кто ударил ее.

Вику буквально волоком протащили несколько шагов. Между колоннами мелькнула тень. Согнувшаяся Вика увидела грязно-белые кроссовки, над кроссовками - зияющие дырами джинсы.

«Меня сейчас стошнит», - успела подумать она.

Джинсы и кроссовки вдруг оказались совсем близко. Слева от нее охнули, и Вика почувствовала, что в спину больше не тычут страшной спицей. Ее оттолкнули. Вика ударилась о колонну и сползла на гранитные плиты, жадно глотая воздух.

Человек в кроссовках действовал быстро и жестоко. Удар ребром ладони - и рябой схватился за горло. Со звоном стукнулась о камень и отскочила, подпрыгивая, «спица» - тонкая заточка, хищно сверкнувшая в свете луча. Вику пробрал озноб.

Парень в кроссовках врезал второму кулаком в нос. Раздался отвратительный хруст, итальянец пошатнулся, и грязная кроссовка впечаталась ему в пах.

Вой ударил Вику по ушам. За колонны начали заглядывать любопытствующие.

- А ну, быстро! - рявкнул парень, помогая Вике встать. - За мной!

- Куда?

- Подальше отсюда!

И тут она узнала его. Носильщик! Из отеля!

Вика вцепилась в его рукав:

– Мне нужна полиция! Она вот-вот будет здесь! Подождите со мной, пожалуйста!

– Полиция? – лицо его исказила неприятная ухмылка. – Ты глупая? Тебя убьют прежде, чем приедет консул.

Вика пыталась возражать, но ее спаситель уже бежал прочь от места стычки. Кто-то приблизился и заохал, глядя на копошащихся на плитах окровавленных мужчин. Рябой бросил на Вику один-единственный взгляд, и она больше не колебалась:

– Стой!

Парень замедлил шаг, подождал, пока она догонит его. Бросил коротко:

– Не отставай!

Когда на место драки три минуты спустя прибыли карабинеры, зеваки показали им, куда побежали мужчина и женщина, имевшие отношение к случившемуся. Но даже обшарив все ближайшие переулки, полиция не нашла и следа этих двоих.

2

Обшарпанные двери, страшные, как ворота в ад. Изрисованные похабщиной стены подъездов. Входы и выходы в самых неожиданных местах, будто проколы в пространстве. Вокруг них сгустилась совсем другая Венеция, дурно пахнущая и уродливая. Вика догадывалась, что они идут примерно теми же улицами, по которым она бродила этим утром. Но на этот раз город демонстрировал им не парадную сторону, а изнанку.

Викин проводник чувствовал себя как рыба в воде. В дурной воде, опасной! – Вика ощущала это всем нутром. Это он здесь свой, а она всего лишь глупая доверчивая наживка, болтающаяся на крючке.

– Кто напал на меня? Чего они хотели?

Парень отмахнулся, словно ее вопросы не имели смысла.

– Скажи! – не отставала Вика. – Они бы меня убили?

Снова эта высокомерная ухмылка через плечо.

– Сама как думаешь?

Он выговаривал все слова очень четко, понимать его было легко.

– Куда мы идем?

– Тебе нужно спрятаться.

«Это хороший ответ, – подумала Вика. – Но это не ответ на мой вопрос».

Очередной загаженный подъезд с разбитой лампочкой они прошли насквозь, и совершенно неожиданно для Вики спустились вниз по короткой лесенке в подобие подвала. Пахло сыростью и почему-то горелой резиной, со стен сочилась вода.

«Как тукнет он меня по голове, так я здесь и останусь гнить на веки вечные», – отстраненно подумала Вика.

Но всерьез страшно ей не было. Ничего не могло быть хуже острой холодной «спицы», втыкающейся ей в спину. При одном воспоминании о ней у Вики волосы вставали дыбом.

Они пересекли обширный подвал с низким потолком. Под ногами хлюпало. Вика едва видела, что находится вокруг, но парень шел уверенно прямо к стене. Повернув незаметный ей рычаг, он нажал на какой-то выступ – и открылся проем. Вика зажмурилась от слепящего солнца и бликов в воде.

Они выбрались на шаткие деревянные мостки, под которыми болталась лодка. Выглядела она примерно так же, как джинсы ее проводника. Ржавое корыто, которому требовалось залатать дыры.

- Спускайся, - парень кивнул на утлую лодчонку.

Вика недоверчиво уставилась на него.

- Она утонет, - объяснила она ему, как ребенку. - Буль-буль!

Он хмыкнул.

- Ты русская?

- Да! - Вика слегка опешила от неожиданной смены темы.

- У вас буль-буль делает собака.

- Что?

- Собака. - Он показал ладонью над досками рост. - Ее бросили в воду.

Вика уже сбилась со счета, в который раз за этот день ее накрывает ощущение абсурдности происходящего. Собака, значит. Которую бросили в воду. И которая делает буль-буль.

- Ты про «Муму»? - осторожно осведомилась она.

- Си, Муму!

У него получилось «мюмю».

«Господи, этот носильщик читал Тургенева».

Тем временем парень смотал веревку и бросил на дно своей жалкой посудыны.

– Мюмю тонет, – сообщил он. – Лодка – нет.

И выразительно ткнул пальцем вниз.

Сраженная этим аргументом, а еще больше знакомством странного типа с русской классической литературой, Вика покорно забралась в лодку. У самого борта плеснула волна.

Парень спрыгнул вслед за Викторией. Под его тяжестью посудина просела так, что теперь была почти вровень с водой. Он завел на корме маленький мотор. С дерзким шмелиным жужжанием лодчонка задрала нос – Вика едва не вывалилась – и рывками почесала вдоль берега.

3

Ветер обдувал лицо. Вика провела ладонью по растрепавшимся волосам и спохватилась, что где-то потеряла кепку. Наверное, та осталась валяться на месте стычки.

Парень, не глядя, сунул ей какую-то тряпку.

– Голова! – показал он. – Закрой.

Она торопливо повязала подобие платка, надвинула пониже. Ее провожатый выудил откуда-то скомканную шляпу, расправил и нахлобучил на голову. Лицо скрылось в тени мятых полей.

Отважно лавируя среди домов, словно нарочно выставляющих острые углы, лодчонка прошлепала под двумя низкими мостами – и они выплыли на главную дорогу Венеции.

Гранд-канал.

Навстречу им разбегались по сморщившейся воде моторки, катера-вапоретто. С достоинством плыли гондолы. На мосту Риальто люди толпились так тесно, словно ожидали салюта. Все было яркое, сочное, шумное, с брызгами воды и

солнечными лучами, избыточно красивое – то есть чисто венецианское.

В первые секунды Вика онемела от свалившихся на нее впечатлений. Вид Гранд-канала с воды вытеснил даже страх, засевший внутри с того момента, как в ее поясницу впечаталась «спица».

Розовые, красные, желтые, серые дворцы обрамляли канал. Величественные колонны, бесконечные стрельчатые арки, словно прорезанные в бумаге... Эта красота казалась бы декоративной, если бы не следы упадка, встречавшиеся на каждом шагу.

Уже минуту спустя Вика поняла, что перед ней дома-старики. Это были итальянские старики, они держались с достоинством, они носили безупречно отглаженные брюки, щегольские пальто и элегантные перчатки. Но уже не в силах были скрыть подагрические колени, морщинистую кожу, мешки под глазами, бурые пятна...

Их красота казалась вечной – и в то же время невыносимо хрупкой. У Вики болезненно сжалось сердце, когда она увидела сквозь окна одного из палаццо – белого, с ажурной резьбой – обвалившиеся стены. Лохмотья штукатурки осыпались, обнажая скелет.

Этот дом был мертв. Его еще держали деревянные сваи. Лиственница, крепчающая от воды, оказалась долговечнее камня. Но даже она не могла подарить прекрасному дворцу бессмертие.

Лодка внезапно дернулась и юркнула в почти незаметное ответвление канала следом за белоснежным палаццо. Парень заглушил мотор, поднял кривой багор со дна посуды и начал грести.

Сюда не заплывал никто, кроме них, и очень скоро Вика поняла причину. Мосты нависали низко-низко над водой, и приходилось пригибаться, чтобы не удариться о замшелые своды. Только их глубоко просевшая посуда могла справиться с задачей провезти пассажиров так, чтобы они не расшибли головы.

Шум и плеск Гранд-канала сменились завораживающей тишиной. Бурлящая яркая жизнь осталась позади. Фасады выглядели блеклыми, и даже небо, казалось, помутнело. Вика озиралась. Ей чудилось, еще чуть-чуть – и из оконных

щелей начнет сочиться туман, съедая окончательно цвета и звуки.

Самым ярким здесь был мох. Сине-зеленый, набухший от влаги, он расползлся по ступенькам, спускающимся прямо в воду, выстилал изнутри арки мостов, карабкался из воды вверх по стенам. Проплывая близко от одной, Вика протянула руку и коснулась манящей зелени. Ощущение было не из приятных: пальцы словно погрузились в холодную кашу.

Дряхлые особняки настороженно следили за людьми, вторгшимися в их царство прошлого.

– Здесь вообще есть кто-нибудь живой? – не выдержала Вика.

Парень резко дернул ее за плечо. Приложил палец к губам: чшшш!

«Чего он боится?»

Справа, как лес, выросли деревянные столбы. Одним сильным толчком провожатый Вики направил к ним лодку.

– Выбирайся.

Доски причала казались до того трухлявыми, что Вика схватилась за ближайший столб, боясь провалиться.

Парень пришвартовал судно, быстро огляделся и только тогда снял и сунул под скамейку свою драную шляпу. Повадки у него, решила Вика, точь-в-точь как у хищного лесного зверька.

Палаццо, возле которого они остановились, выглядело таким же неприступным и заброшенным, как и прочие. Окна на первом этаже забраны глухими решетками, каждый прут толщиной с ее палец. На огромных деревянных воротах, в которые могла бы пройти лошадь со всадником, висел железный замок. «Были ли в Венеции лошади? – некстати подумала Вика. – Кажется, их запретили. Зачем мы здесь?»

Она не успела задать вопрос вслух. Обойдя дворец справа, провожатый втиснулся в узкую щель между домами. «Хуже, чем Алисе падать в кроличью нору», – обреченно подумала Вика, следуя за ним. За спиной зашуршало неприятно, сверху посыпался какой-то мусор. «Сейчас мы здесь застрянем. Я-то уж точно».

Однако проход вдруг расширился. Несильно, но парню этого хватило. Он подпрыгнул, ухватился за выступ подоконника – Вика только сейчас заметила, что здесь есть два зарешеченных окна, – и подтянулся. Длинные пальцы обхватили решетку, парень прикусил губу, дернул – и прутья вышли из пазов.

Вика, открыв рот, следила за ним. Действия его были отточены многократными повторениями. Стремительности, с которой он двигался, позавидовала бы кобра. Повесив ненужную решетку на торчащий из стены штырь, который словно специально был вбит на этом месте, парень спрыгнул внутрь – и исчез. Какое-то время не доносилось ни звука.

Появился он в окне так неожиданно, что Вика вскрикнула и отшатнулась.

– Не кричи! – осадил он злым шепотом, спускаясь к ней. – Теперь ты.

Сцепив руки в замок, он выжидал, пока она приблизится. «Господи, что я делаю?» – мелькнуло у Вики, окончательно переставшей понимать что-либо в происходящем. Сперва он зашвырнул внутрь ее сумку, которую Вика чудом ухитрилась не потерять во всей этой дьявольской неразберихе. Она послушно поставила ногу на подставленный «захват». А затем ее подбросили вверх.

Она уцепилась за подоконник, засучила ногами, перевалилась куда-то в темноту и ухнула вниз, от страха даже забыв крикнуть.

Полет был коротким.

Сначала Вике показалось, что она упала в опилки. Но, приподнявшись, в слабом свете обнаружила, что лежит на пыльном старом ковре, изъеденном молью. Многострадальная сумка валялась неподалеку.

Свет исчез. Скорчившаяся фигура заполнила собой оконный проем. Потом фигура спрыгнула вниз, приземлилась по-кошачьи бесшумно и выпрямилась.

Вика поднялась, увязая в сбившемся ковре.

Они находились в огромной полутемной зале. Глядя снаружи на маленькие окошки, она и представить не могла, что здесь столько места. Три стены были покрыты фресками, едва различимыми в сумраке, вдоль четвертой поднималась вверх роскошная лестница – и терялась в черноте второго этажа.

В дальнем углу залы громоздились сваленные друг на друга стол, стулья, еще какая-то мебель. Изогнутые ножки перевернутого кресла торчали как рога. С потолка свисала многоярусная люстра, стеклянные капли льдинками переливались даже в этом тусклом свете.

– Это что? – с замирающим сердцем спросила Вика.

Парень не ответил – он возился с окном. Тогда она сделала несколько шагов к лестнице и замерла, вглядываясь в тающие наверху ступеньки.

Долю секунды ей казалось, что кто-то точно так же сверху вглядывается в нее. Но когда она подалась вперед, иллюзия пропала.

– Где мы? – повторила Вика громче и сама испугалась своего голоса. Он звучал как писк мыши в амбаре. – Это твой дом?

– Мой дом? – переспросил парень и издевательски рассмеялся.

Он бросил еще несколько слов, но Вика не смогла перевести ни одного – похоже, это был какой-то сленг.

– По лестнице не ходи. – Он двинулся своей крадущейся бесшумной походкой к окнам.

Вика только сейчас заметила, что изнутри есть ставни. Проводник закрыл все, кроме того, через которое они пролезли. В зале стало совсем темно.

- Зачем ты это делаешь? – шепотом спросила Вика.

- Чтобы снаружи не было видно.

- Не было видно чего?

Вместо ответа послышался громкий щелчок – и люстра зажглась.

Вика ахнула. Это было незабываемое зрелище. Капли по одной начинали сочиться светом: робким, золотистым, как речная вода на закате, и постепенно наливались яркостью. Зажглась от силы десятая часть «сосулков», но их мягкое сияние разогнало темноту на всем этаже.

«Как же все это выглядит, когда люстра включается целиком!»

- Инкредибильменте белла, – прошептала она. – Потрясающе красиво.

- Это ненадолго, – усмехнулся ее новый знакомец. – Пять минут. Больше – нельзя. Опасно.

Вика обернулась, и при свете волшебной люстры наконец-то смогла рассмотреть его как следует.

Лет двадцати пяти, поджарый, по-мальчишески узкоплечий, с вьевшейся в губы ехидной улыбочкой и неуловимой асимметрией лица. Черные цыганские глаза окаймлены такими густыми ресницами, что кажутся подведенными. Дранные джинсы – не дань моде, а следствие суровых будней, судя по зверски обтрепанному снизу штанинам. «Дитя подворотни», – говорила про таких свекровь. В целом – вылитый пират. Или уголовник мелкого пошиба, что в общем-то одно и то же.

- Откуда ты знаешь про Муму? – внезапно спросила Вика.

Не самый уместный вопрос в данных обстоятельствах, но не спросить она не могла.

- Один знакомый рассказал. Русский. Моряк.

Упоминание о моряке в контексте размышлений о пиратах прозвучало как нельзя более уместно. Хмырь, как есть хмырь, думала Вика, отчаянно пытаюсь найти, за что ухватиться в нагромождении хаоса. Зачем он меня сюда притащил?

– Почему мы приплыли сюда?

Он пожал плечами:

– Безопасное место. Здесь тебя не отыщут.

Вика сделала шаг вперед, вглядываясь в его лицо:

– А почему ты вообще за меня заступился?.. – Она вдруг осознала, что понятия не имеет, как его зовут.

Словно прочитав ее мысли, он отвесил шутовской поклон:

– Бенито.

– А я – Виктория, – мрачно сказала Вика. – Виктория в переводе значит «победа».

Он усмехнулся. Конечно, с горечью подумала она, на его месте я бы тоже посмеивалась.

– Ну извини! Имени «идиотское поражение» в России не существует. – Она огляделась. – Так почему ты меня защитил перед теми двумя? И кто они были?

Из груды мебели Бенито вытащил низкий резной столик, поставил на ковер и сел, скрестив ноги по-турецки. Щелкнул пальцами – и в ладони сама собой возникла пачка сигарет. Он закурил, небрежно роняя пепел прямо на столик (насколько Вика могла судить, антикварный).

– Они были те, кто тебя убьет.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/elena-mihalkova/ohota-na-krylatogo-lva-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)